

Дарья Донцова

Маникюр для покойника

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Маникюр для покойника
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118364
Маникюр для покойника: Эксмо-Пресс; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21092-3

Аннотация

Вот уже тридцать лет мои дни скучны и однообразны. Нет подруг, нет близких. И вдруг моя жизнь в одночасье изменилась. Судьба подарила мне подругу – Катю! Но... спустя день ее похитили. Неизвестные требовали документы, которые хранились у какого-то Кости Катукowa. Найти Катю и вернуть ее в лоно семьи было моим долгом! Недолго думая, я поехала к нему домой, но хозяин квартиры был мертв. Мне так и не удалось найти те злополучные документы! Знать бы, что это стало началом моего кошмара...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	57
ГЛАВА 6	71
ГЛАВА 7	86
ГЛАВА 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дарья Донцова

Маникюр для покойника

*Я тучи разведу руками
И в прошлое закрою дверь.
Я спрячусь за семью замками,
Ты не найдешь меня теперь.*

Песня

ГЛАВА 1

Я ненавижу своего мужа. Вот и сегодня, когда в десять утра он с ласковой улыбкой вошел в мою спальню, держа в руках поднос, на котором выстроились в ряд чашечка кофе, молочник со сливками и сахарница, мне отчего-то захотелось запустить в его голову ночником и разрыдаться. Справедливости ради следует отметить, что так начинаются не все мои утра, а только те, когда Михаил дома. Тысячи и тысячи женщин не задумываясь отдадут правый глаз, чтобы иметь такого супруга – нежного, доброго, щедрого, богатого, понимающего... Но меня отчего-то тошнит, даже когда он ест суп, а на запах сигарет началась аллергия, хотя до этого спокойно прожила возле отца, не выпускавшего изо рта папиросу.

– Милая, – ласково сказал супруг, устанавливая на кро-

вати специальный столик, — что-то ты сегодня бледненькая! Голова не болит? Выпей горяченького, сварил арабику, надеюсь, не переложил сахара...

Я покорно начала хлебать коричневую жидкость, абсолютно не ощущая вкуса. Тем временем Миша подошел к окну и раздвинул портьеры. Серенький денек заглянул в комнату.

— Ну надо же! — восхитился муженек. — Только-только ноябрь начался, а снег уже выпал и холод стоит зверский. Наверное, ты поэтому не слишком хорошо себя чувствуешь! Знаешь что, оставайся в постельке. Сейчас велю Наташе быстренько убрать у тебя тут, и отдыхай. Хочешь, за пирожными съезжу?

Я медленно покачала головой.

— Так плохо? Даже эклерчиков не съешь? — расстроился Миша и выскользнул в коридор.

Я безнадежно смотрела ему вслед. Михаил хорош собой настолько, что хоть снимай его для журнала мод. Рост под метр девяносто, вес около восьмидесяти, глаза голубые, вьющиеся кольцами белокурые волосы... А еще в юношестве он занимался бодибилдингом, и, когда снимает рубашку, женщины восторженно ахают, а присутствующие мужчины втягивают животы.

Миша богат. Только не подумайте, что сколотил состояние, бегая с автоматом по улице, или обманывал доверчивых людей, создавая финансовые пирамиды. Нет, он просто

крайне удачлив. Лет десять тому назад вместе со своим ближайшим другом Лешей начали заниматься торговлей компьютерами. Весь офис помещался в одной комнатке, а сегодня у них целая сеть магазинов и сервисных центров. Прибыль муженек тут же вкладывает в дело, но на жизнь нам тоже остается вполне достаточно. Во всяком случае, имеем квартиру, дачу, две машины, домработницу, ездим несколько раз в год отдыхать за границу... Хотя почему это я говорю «имеем»? Все записано на Мишино имя, я абсолютно нищая и, если супруг разведется со мной, останусь без копейки. Более того, я нигде не работаю и имею необыкновенно «нужную» и «хлебную» в наше время профессию музыканта.

Но я не играю на гитаре и не прыгаю с микрофоном по сцене. Я арфистка, причем более чем посредственная, хотя училась игре на арфе долгие годы. Ну не заладились у меня отношения с арфой, я ненавижу этот струнный инструмент так же, как своего мужа. Причем – одна пикантная деталь: Михаилу тридцать лет, а мне тридцать шесть, и я внешне похожа на больного кузнечика. Там, где у других женщин выдаются приятные округлости, у меня торчат кости, росточком я не дотянула до метра шестидесяти и вешу чуть больше лягушки. Остается только удивляться природе, которая наградила меня при этом тридцать девятым размером ноги. Глаза у меня голубые, близко посаженные к носу, рот маленький, а с волосами постоянная беда: завиваться они не хотят, укладываться тоже, по большей части торчат в разные стороны.

К тому же не могу похвастаться хорошими зубами, и, когда Миша, демонстрируя безупречные клыки, ловко откусывает яблоко, в моей душе невольно вспыхивает зависть: ну почему одним все, а другим ничего?

Впрочем, мне катастрофически не везло с самого детства. Родилась я в более чем обеспеченной семье у достаточно пожилых людей. Папе, профессору, доктору наук, стукнуло пятьдесят пять, маме, оперной певице, было ровно на десять лет меньше. Детей в молодые годы у них не случилось, и родители думали, что бесплодны. Но тут вдруг господь решил одарить их милостью, и на свет появилась я.

Если думаете, что быть объектом великой, всепоглощающей любви легко, то ошибаетесь. Мое детство было ужасным. Никогда, ни при каких обстоятельствах меня ни разу не оставляли одну. В младенчестве приставили няню, в школьные годы – гувернантку Розу Яковлевну. Когда другие дети, раскрасневшись, летели на санках с горки, я, почти неподвижная в шубке, валенках, двух шапочках, варежках и шарфике, с завистью смотрела им вслед. Мама запрещала все детские забавы, причем делалось это ради моего же блага. Ведь, катаясь с горки, можно повредить шею, бегая с мячиком – ногу, а прыжки через скакалку грозили переломом позвоночника. Впрочем, купаться летом в речке тоже не разрешалось, а в школу Роза Яковлевна водила меня вплоть до десятого класса. Школьный буфет и столовая были объявлены в нашем доме зоной отчуждения. Моя нога не долж-

на была туда даже ступать, потому что в недрах пищеблока гнездились страшные болезни – желтуха, дизентерия и т. д. И вообще, меры по охране меня от бактерий и микробов принимались невероятные. Мороженое сначала должно было растаять на блюде, и только потом ребенку вручали ложку, яблоки и апельсины тщательно мылись с мылом, а следом ошпаривались кипятком, влажную уборку в детской делали дважды в день, и все равно всевозможные болячки липли ко мне стаями. Начиная с первого класса я постоянно хворала, плавно переходя от кори к ветрянке, а потом свинке. Если в городе начиналась эпидемия гриппа, я ухитрялась заболеть им дважды, пожалуй, не осталось ни одной детской инфекции, миновавшей меня: ложный круп, скарлатина, коклюш... Школу я посещала урывками, училась отвратительно и никаких друзей не имела.

Потом встал вопрос об игре на музыкальном инструменте. Мама-певица подошла к его решению творчески и скрупулезно изучила все. Рояль отмели сразу – пианистов мучает жесточайший остеохондроз, от скрипки на подбородке возникает уродливая мозоль, виолончель не дает правильно развиваться грудной клетке... В конце концов папа, уставший от бесконечных маминых стонов, изрек:

– Похоже, что самый лучший инструмент – деревянные ложки. Легкие и звучат громко!

Все-таки у отца было чувство юмора, но у мамочки оно отсутствовало начисто, поэтому она замахала руками и за-

явила:

– Народные инструменты? Никогда.

Но тут у нее случился спектакль, и, окидывая взглядом оркестровую яму, мамуля заметила арфистку. Все моментально стало на свои места.

– Чудесный инструмент, – восторгалась мама, – большой, значит, сама не пойдет с ним в школу, нужен провожатый! Очень хорошо, всегда под присмотром!

Так начался крестный путь ребенка – будущего гения. Долгие часы провела я, тупо сидя за арфой. Впрочем, случались и тихие радости. Изредка мама уезжала на гастроли, и тогда можно было сачкануть: лечь на диван с книжкой и елозить ногой по струнам. Звуки при этом получались чудовищные. Но, с одной стороны, папе, профессору математики, было не дано чувство ритма, а с другой – из-под моих пальцев, как правило, лились отнюдь не дивные мелодии. Правда, мама-певица разом бы поняла, в чем дело!

Арфу я ненавидела, как человека, пинала ногой и щипала, но в восьмом классе мамочка сообщила:

– У тебя, детка, талант, будем готовиться в консерваторию.

Я пожала плечами. В дневнике стройной чередой теснились тройки по всем предметам, наверное, консерватория – лучший выход в таком случае. Мамуся нажала на всевозможные кнопки и педали – меня приняли.

Многие вспоминают годы студенчества как лучшее время

в жизни, но мне учеба представляется одним монолитным куском темно-серого цвета. Подруг не нашлось, а преподаватели, сразу разобравшись в моей «талантливости», не слишком старались. Кое-как переползая с курса на курс, я добралась до диплома. Впереди маячила жизнь в обнимку с ненавистой арфой.

Папа к тому времени скончался, а обидеть маму, сказав ей, что бросаю занятия музыкой, я не могла. Шел 1984 год, предтеча перестройки. Мамуля еще разок тряхнула связями, и меня взяли на работу в филармонию. В месяц выходило пять-шесть концертов. Помните, в те годы было распространено понятие «нагрузка»? Покупаете, допустим, в магазине книгу, остродефицитного В. Пикуля, и должны еще оплатить в придачу сборничек стихов поэта Пупкина «Широко шагает рабочий класс». Не хотите Пупкина? Не получите Пикуля! Вот так и я со своей арфой. Народ ждал эстрадную песню, юмориста, на худой конец, жонглеров или дрессировщиков с собачками. Но тут конференсье, закатывая глаза, сообщал: – Сен-Санс, пьеса для арфы.

И на сцену, тяжело ступая лаковыми лодочками, выбиралась я в белом концертном платье и принималась не слишком споро щипать несчастную арфу. Сейчас бы, наверное, меня закидали гнилыми помидорами, но в середине восьмидесятых публика была иной, более интеллигентной и жалостливой. Все понимали, что арфистка идет в придачу к Кобзону или Лещенко, и даже скупно хлопали.

Так прошло семь лет. Потом мама спохватилась. Любимой доченьке подкатывало к тридцати, а кавалеров все не получалось. Да и как я могла их завести? В гости мы ходили только с мамой, отдыхать ездили вместе, а подруг у меня так и не организовалось! Мамуся вновь кинулась к телефонной книжке. В нашей жизни начался новый период – меня выставили на ярмарке невест! И вновь никто не поинтересовался: а хочу ли я замуж? С мамочкой просто было бесполезно спорить...

Одного за другим мамуля отвергала предлагаемых кандидатов. Семен слишком стар, к тому же вдовец, с детьми. Петр уродлив, Константин пьет, Алексей всем хорош, но беден, словно церковная мышь. Мамусечка хотела совершенно невероятного жениха – красивого, умного, богатого, интеллигентного, непьющего и желательно – круглого сироту с квартирой и дачей. Самое интересное, что через год интенсивных поисков такой кандидат был найден – Михаил Громов. Он приходился племянником мамулечкиной ближайшей подруге и крайне успешно занимался бизнесом. Было только одно «но». Жениху едва стукнуло двадцать четыре, я же справила в июне тридцатилетие. Правда, вопрос о возрасте недолго волновал высокие договаривающиеся стороны. Аделаида Максимовна, Мишина тетка, хотела побыстрее избавиться от ответственности за племянника, которого опекала после смерти родителей, а моя мамусечка была готова на все, чтобы надеть мне на правую руку простое обру-

чальное кольцо. Нас познакомили и поженили.

Через полгода после свадьбы с чувством выполненного долга скончалась моя мама. Аделаида Максимовна пережила ее ровно на месяц. Естественно, что я бросила концертировать и целыми днями валяюсь дома на диване. Домашнее хозяйство ведет Наташа, детей у нас с Мишей нет. Иногда в голову приходит мысль: собачку, что ли, завести? Пару раз мы даже ездили смотреть щенков, но возвращались домой разочарованными. И потом, с собакой придется гулять, кормить по часам, возить к ветеринару и на выставки – сплошная докука. К тому же где-то года четыре назад у меня неожиданно началась обвальная аллергия, и вопрос о домашних животных завял сам по себе.

Дни мои проходят одинаково. Встаю около десяти, принимаю ванну, потом завтракаю, пью кофе и усаживаюсь перед телевизором. Затем обед и примерно полуторачасовой сон, потом отправляюсь либо в парикмахерскую, либо по магазинам... Одно время пробовала ходить в бассейн, но моментально заболела воспалением легких, а на занятиях шейпингом здорово растянула ногу. Так что со спортом было покончено. Вот массаж принимаю с удовольствием, люблю баню, только никогда не прыгаю после парной в бассейн с водой – береженого бог бережет.

Однако в моей бесприсветно скучной жизни есть луч света. Это детективные романы. Я обожаю чтение на криминальную тематику и скупаю книги мешками. Маринина,

Дашкова, Серова, Яковлева, Полякова – вот они и стали моими настоящими подругами. С какой радостью я хватаю новинки! Одна беда – книги хватает ровно на день. Ну отчего эти дамы так медленно пишут! Вот сегодня совершенно нечем заняться, а по телевизору показывают такую чушь, что скулы сводит.

Уютненько устроившись на диване в горе пледов и подушек, я развернула шоколадку и велела Наташе:

– Сделайте любезность, дорогая, дойдите до проспекта и купите газеты: «Криминальная хроника», «Петровка, 38» и «Мегаполис».

Наташа кивнула и опрометью кинулась выполнять приказание. Я вытянулась на софе. Все-таки хорошо, что не приобрели собаку, сейчас бы пришла, залезла ко мне, помешала отдыхать...

Резкий звонок заставил вздрогнуть. Часы показывали около полудня. Очевидно, растяпа Наташа, торопясь выполнить поручение, забыла ключи. Я сползла с дивана, рывком распахнула дверь и вместо довольно крепкой белокурой Наташи увидела стройную черноволосую девушку.

– Вы жена Михаила Громова? – спросила она.

Недоумевая, я кивнула. Девчонка протянула мне пакетик и быстро-быстро застучала каблукками по лестнице.

– Кто вы? – запоздало поинтересовалась я, но внизу уже хлопнула дверь подъезда.

В пакете оказалась видеокассета и записка: «Смотри од-

на».

Видик у нас стоит в кабинете. Сначала на экране телевизора мелькали серые полосы, потом раздалось страшное сопение, и перед моими глазами предстали два обнаженных тела. Меня передернуло. Терпеть не могу порнографию, и кому пришло в голову прислать подобную мерзость?! Пока я приходила в себя, действие набирало обороты, в какой-то момент мужчина повернулся, а я чуть не свалилась на пол – прямо на меня смотрело лицо Михаила.

В оцепенении наблюдала я за событиями. Камера равнодушно запечатлела все – от начала до конца. Потом возникло лицо черноволосой девушки, той самой, только что выбежавшей из подъезда, и полился очаровательный грудной голос, настоящее меццо-сопрано:

«Здравствуйте, мы незнакомы, но тем не менее связаны невидимой нитью. Разрешите представиться – Таня Молотова. Возраст – двадцать пять лет, переводчица. Владею английским, немецким, французским, арабским, отлично зарабатываю и очень хороша собой».

Следовало признать, что девчонка права. Копна смоляных кудрей обрамляла узкое лицо с безупречно белой кожей. Огромные карие глаза, пушистые ресницы, четкие полукружья бровей... Нос маленький, рот как у великой актрисы Брижит Бардо. И фигура чудная – тонкая талия, длинные ноги, высокая грудь.

«Да, я красавица, – продолжала девица, усмехаясь, – че-

го о вас не скажешь, к тому же молода. Роман с Михаилом длится у нас год, и согласитесь, во всех отношениях я подхожу ему больше, чем вы. Есть еще одна деталь. Скоро у меня родится ребенок, у него должен быть отец. Миша никогда не разведется с вами, он патологически порядочен и боится сказать правду. Но мне нет необходимости пресмыкаться перед вами, поэтому слушайте. Вы бездарная лентяйка, абсолютно бесцельно проводящая жизнь под одеялом. К тому же ухитрились вложить в голову несчастному Мише, будто смертельно больны. Но меня провести трудно – вы захребетница, бесполезное существо, даже неспособное родить ребенка, и из-за вас мой сын может лишиться отца. Так вот. Немедленно подавайте на развод сами. Можете оставить себе материальные блага, Миша уйдет с одним чемоданчиком, и он станет выплачивать вам щедрое денежное содержание. Вы ведь не способны и копейки заработать... Не волнуйтесь, мы как-нибудь прокормим с ним нахлебницу. Поймите, между вами любви нет, а половые отношения столь редки, что их даже нельзя назвать отношениями. Если не согласитесь на эти условия, пеняйте на себя. Развод все равно состоится, только вы останетесь на бобах в коммунальной квартире, в комнатенке. А сейчас взгляните еще разок, как нам хорошо».

На экране вновь завозились обнаженные тела. Я почувствовала, как по щекам катятся слезы. Черноволосая девица оказалась полностью права. Очевидно, мне от природы достался крайне слабый темперамент. Правда, первые месяцы

после свадьбы мы спали в одной кровати, но потом Миша перебрался в другую комнату, мотивируя переезд нежеланием будить меня по утрам, собираясь на работу. Когда же мы были с ним в последний раз близки? В июне, девятого числа, как раз перед его поездкой в Лондон. А сейчас уже ноябрь! И остальное все верно – захребетница, лентяйка, неспособная заработать ни копейки...

Раздался стук входной двери и радостный голос Наташи:
– Принесла газетки!

Я быстренько выключила видик, вытерла щеки и крикнула:

– Положите на зеркало!

Но Наташа, естественно, не услышала и вломила в кабинет. Увидав мои покрасневшие глаза, она тут же поинтересовалась:

– Плакали? Чего случилось? Розу убили?

Ну надо же быть такой душой, чтобы предположить, будто хозяйка может рыдать из-за смерти героини мексиканского «мыла»!!!

– Вы плохо вытряхиваете пледы, – разозлилась я, – вот у меня и началась аллергия.

– Давайте постираю, – тут же предложила Наташа и принялась стаскивать одеяло.

Я тупо смотрела, как ловко и быстро действуют ее маленькие руки.

– И то верно, – пробормотала домработница, – ну с чего

вам расстраиваться? Ни забот, ни хлопот, муж – красавец, дом – полная чаша. Эх, не жизнь, а сказка.

Это оказалось слишком, и, когда она вышла за дверь, я зарыдала в полную силу. Вообще я не принадлежу к племени истеричек и последний раз плакала на похоронах мамы, но сегодня слезы текли сами собой, словно я нанюхалась лука.

Часа через два, успокоившись, я оказалась в состоянии думать. Ну и как поступить теперь? Сделать вид, будто ничего не произошло, выбросить кассету и жить спокойно дальше? Нет, подобное не для меня. Мамочка всегда твердила:

– Детка, у супругов не должно существовать тайн друг от друга. Муж и жена – единый организм.

Хорошо ей было так рассуждать, имея дома папу, который, по-моему, даже и не подозревал, что на свете существуют другие женщины, кроме обожаемой супруги! Нет, следует поговорить с Мишей.

Я пошла за телефонной книжкой. Ну где вы найдете жену, которая не помнит наизусть номера телефонов супруга? Полюбуйтесь – она перед вами. Я никогда не звоню Мише ни на работу, ни на мобильный.

Сотовый не отвечал, и пришлось набрать другие цифры.

– Фирма «Вихрь», – раздался приятный женский голос, – слушаем внимательно.

– Позовите Мишу.

– Это ты, Танечка? – обрадовалась невидимая собеседница.

– Нет, – тихо ответила я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, – нет, скажите, жена беспокоит.

Голос моментально стал холодно-официальным:

– Михаил Анатольевич уехал в филиал, позвоните на мобильный.

Трясущимися пальцами я принялась вновь тыкать в кнопки. Танечка! Видали? Да вся контора знает про любовницу! Большого позора мне до сих пор не приходилось переживать.

Я упорно пыталась дозвониться и наконец услышала:

– Алло!

– Миша, пожалуйста, приезжай домой.

– Что случилось? – испугался супруг. – Ты заболела?

– Абсолютно здорова, – заверила я его, – поговорить надо.

– Милая, извини, страшно занят, никак раньше девяти не получится.

– Пожалуйста, приезжай немедленно, тут неприятность случилась!

– Что? С Наташей поругалась?

Муж был, как всегда, приветлив и ласков, но в последнем вопросе мне послышалась издевка. Да, самая большая неприятность, которая могла со мной приключиться, – это скандал с домработницей.

– Не расстраивайся, дорогая, – утешал Миша, – выгоним нахалку, другую найдем, тебе вредно волноваться, мигрень начнется. Вот что, сейчас же вели ей идти домой, а сама ложись и отдохни.

Я зашвырнула трубку на диван и принялась смотреть в окно. По тротуару бежали люди: мужчины с портфелями, женщины с сумками, бабки с колясками... Все куда-то спешили, только мне на этом празднике жизни не нашлось места, мне было незачем выходить из дому, да и некуда.

Дальше я действовала автоматически.

Сначала положила Мише на кровать кассету. Потом написала записку: «В моей смерти прошу никого не винить» — и пришила ее булавкой к подушке, потом пошла в прихожую и тщательно оделась. Нечего и думать о том, чтобы свести счеты с жизнью дома, Наташа моментально вызовет «Скорую», и трагедия превратится в фарс.

Я медленно брела по проспекту, чувствуя, как промокают тонкие замшевые сапоги. В первый раз не испугалась простуды, да и зачем? У трупа насморка не бывает.

Несколько часов я бесцельно бродила по Москве и все никак не могла придумать себе достойную смерть. Броситься из окна? Очень боюсь высоты. Отравиться? Чем? Повеситься? Так веревки нет, а купить не могу, так как сумочка лежит дома на зеркале вместе с сотовым, кошельком и ключами.

Внезапно город кончился, и потянулось длинное шоссе. Темные ноябрьские сумерки медленно напоздали на столицу. В носу зачесалось, и я отчаянно расчихалась, чувствуя, как начинает болеть горло. Нет, следует немедленно заканчивать затянувшееся прощание с тусклой жизнью, а то вконец разболеюсь. На пустынном шоссе возник свет фар, во-

дитель, увидав меня, предостерегающе библикнул, но я уже неслась наперерез капоту. Раздался дикий скрежет, визг, потом земля кинулась к глазам. Лежа лицом в ледяной луже, я слышала крик:

– Нет, о боже!

И вяло подумала: «Надеюсь, это все».

ГЛАВА 2

Отчего-то моя кровать мерно покачивалась. Я разлепила глаза, и взор уперся в низко висящий потолок, затянутый искусственной кожей. Через секунду включился ум – меня везут в машину!

Морщась, я села и с ужасом обнаружила на ногах абсолютно мокрые сапоги, напоминающие компрессы. Впрочем, и юбка, и колготы, и пальто выглядели не лучше.

– Очнулась? – раздался высокий голос.

Сидевшая за рулем худощавая блондинка резко свернула вправо и припарковалась на обочине.

– А теперь отвечай, мерзавка, какого черта ты кинулась под мою машину? Почему из всех автомобилей выбрала именно мой? Хоть понимаешь, дурья башка, что могла погибнуть?

Я размеренно кивала, глядя в ее злое лицо. Довольно большие голубые глаза спасительницы воткнулись в меня, словно ножи. Светло-коричневая помада на губах размазалась, а на голове во все стороны дыбились коротко стриженные прядки. Наверное, моя прическа выглядит не лучше. Я подняла руку и попробовала пригладить торчащие вихры.

– О красоте вспомнила! – всплеснула руками женщина. – Ну ты и скотина! Решила покончить с жизнью – топись в собственной ванне. Прикинь, как меня подставила? А если

б я задавила тебя? Все, конец, получила бы срок, а у меня, между прочим, дети, ну гадина...

Внезапно ее гневные речи перестали долетать до моих ушей. Боже, какая я неудачница, даже покончить с собой не смогла! Тяжелые слезы полились из глаз...

– Ладно, ладно, – забормотала женщина, перебираясь на заднее сиденье, – хватит сопли развешивать.

Неожиданно она обняла меня за плечи. Я уткнулась лбом в ее пахнувший духами кроличий полушубок и завывала белугой.

– Прекрати, – разозлилась добрая самаритянка, – давай выкладывай свое горе.

Взвизгнув последний раз, я, захлебываясь, принялась рассказывать незнакомке все: про маму, арфу, Мишу и видеокассету...

Около получаса из моего рта лились бессвязные речи. Наконец блондинка вздохнула:

– Да уж, значит, идти тебе некуда?

Я затрясла головой.

– Ладушки, тогда поедem.

– Куда?

– Ко мне, не на улице же спать!

«Жигули» довольно долго неслись по переулкам и наконец встали у девятиэтажной блочной башни. Подъезд смотрел на мир окнами без стекол, а в лифте угрожающе топорщились выжженные кнопки. Мы поднялись на шестой этаж,

блондинка порылась в сумке и, чертыхнувшись, позвонила. Моментально раздался многоголосый лай, и дверь тут же распахнулась.

– Мамочка пришла! – завопил мальчишка лет одиннадцати.

Я невольно отшатнулась назад. В тесной прихожей толкалось дикое количество животных, кошки и собаки впере-мешку.

– Иди давай! – Кулак хозяйки уткнулся в спину. – Чего застряла, они не кусаются!

Кое-как я влезла в сантиметровое пространство. Мальчишка прыгал около блондинки.

– На, – сунула она ему большую хозяйственную сумку, – тащи на место.

Радостно гикая, парнишечка понесся в глубь длинного коридора. Собаки вкупе с кошками погалопировали за ним.

– Пришла наконец, – довольно сердито заметил молодой мужчина, – иди скорей, картошка стынет.

– Сейчас, – пропыхтела блондинка, стягивая ботинки. Потом повернулась ко мне: – Давай раздевайся, чего стоишь!

Я покорно стянула с ног «компрессы» и робко спросила:

– Где тапочки?

– Там поищи, – махнула хозяйка рукой в сторону Монблана из обуви, – и топай в ванную.

Кое-как разыскав две разномастные тапочки, я добралась до ванной комнаты. Да уж, видок – лучше некуда! Из зеркала

ла глянула бледная, перепачканная грязью физиономия, волосы торчат вверх, словно забор, тушь размазалась.

– Эй! – постучали в дверь.

Я приоткрыла дверь. Невысокий мужчина протягивал старенькое, но чистое полотенце.

– Это мне?

– Тебе, тебе, чем вытираться думала? Тряпкой? – хихикнул хозяин и испарился.

Кое-как приведя себя в порядок, я поплелась на кухню.

В большой комнате с двумя окнами было приятно тепло. За круглым столом восседало несколько человек: блондинка, молодой мужчина, девушка и мальчик. Вокруг толкались собаки, кошки нагло устроились на мойке.

– Так, – командным тоном велела хозяйка, – сейчас познакомимся! Я – Катя. Это мой старший сын Сережа.

Молодой мужчина улыбнулся и, лихо подкрутив усы, сказал:

– Здравсти!

– Его жена Юля.

Девушка глянула на меня быстрым взглядом и тоже улыбнулась.

– А я Кирюшка, – влез мальчишка, – мамин младший сын и брат этого...

Указательный палец, перемазанный чернилами, ткнулся в Сережу.

– Ешь давай, – велела Юля, – не отвлекайся!

Из-под стола раздалось недовольное ворчание.

– А ну, быстро закончили чеченскую войну, – велела Катя. Собаки разом примолкли, зато заорали кошки.

– Сколько у вас животных, – вздохнула я, – целый зоопарк.

– Ну, вовсе не так уж много, – радостно сообщил Кирюша, – всего три собаки да две киски. Смотрите, мопсы Муля и Ада.

Две совершенно одинаковые морды уставились на меня круглыми, блестящими глазами навывкате. Жуткие уродины. Нижняя челюсть выдается вперед, носа почти нет, на лбу кожные складки...

– Еще стаффордширская терьерка Рейчел, – тархтел, не умолкая, мальчишка, выталкивая ногой из-под стола довольно крупную, задастую, рыжую собаку с нехорошим тяжелым взглядом. – Вон та киска, черно-рыжая, Семирамида, а совершенно белого кота зовут Клаус... А еще...

Полный энтузиазма, он рванулся в угол к холодильнику и вытащил большой аквариум, где сустились тучные хомяки.

– Серый – Кеша, рыжий – Петя, черный – Леонардо, а в корзинке – жаба Гертруда, хотите, принесу?

– Гертруду покажешь завтра, – отчеканила Юля и водворила Кирилла за стол. – Вы ешьте, а то остынет.

Я окинула взглядом угощение. Эмалированная кастрюля с отварной картошкой и сковородка с жирными жареными куриными окорочками, рядом, в красной миске, горкой гро-

моздился салат, щедро залитый майонезом... У нас дома не едят подобных вещей, куриные окорочка содержат сплошной холестерин. Миша употребляет только грудки, желатель-но без панировки, с цветной капустой...

– Не стесняйтесь, – опять улыбнулся Сережа, – налетайте.

Вздыхнув, я принялась за яства. Интересно, удобно попросить у хозяйки в качестве десерта таблетку фестала? Моя печень не вынесет окорочково-майонезную бомбежку. И потом, какая странная семейка. Старшему сыну подкатывает к тридцати, младшему по виду не больше одиннадцати, а возраст самой хозяйки определить невозможно...

– Как тебя зовут? – прервала мое глубокомысленное размышление Катя.

Я невольно вздрогнула. Мой папа был большой оригинал, и, когда я появилась на свет, недолго думая нарек дочь именем своей покойной матери. Все бы ничего, носи бабушка простое имя, типа Мария, Татьяна, Елена... Так нет, крестили... Ефросиньей. Естественно, в школе и консерватории меня всегда звали Фрося, и никак иначе. Самый тяжелый момент наступает, когда следует представиться незнакомым людям.

– Ефросинья, – бормочу я.

– Ну да, – следует ответ, – отличное, редкое имя. Фрося, значит. Фамилия случайно не Бурлакова?

Просто плакать хочется, до чего одинаково все реагируют. Кстати, фамилия у меня чисто царская – Романова.

Сережа, Юля, Катя и Кирилл выжидающе примолкли. Даже собаки разинули пасти. Еще раз подивившись уродливости мопсов, я открыла было рот... Ну нет, ни за что не скажу настоящее имечко. Ефросинью я ненавижу так же, как мужа и арфу, лучше сообщу первое, что придет в голову. Язык моментально ляпнул:

– Евлампия.

– Ну надо же, – восхитился Сережа, – какое редкое имя! А как сокращенно?

– Лампа, наверное, – хихикнул Кирюшка, за что моментально огреб от матери подзатыльник.

Я безнадежно запихнула в рот ложку отвратительного салата из крабовых палочек. Господи, ну почему мне так не везет?

На ночь меня положили в гостиной на диване. Ложе оказалось страшно неудобным, узким и жестким, подушка комковатой, а одеяло «кусалось», просовывая сквозь слишком тонкий пододеяльник жесткие ворсинки. Провертевшись с боку на бок, я наконец задремала, но не тут-то было.

Дверь комнаты, протяжно заскрипев, приоткрылась. Я посмотрела в ту сторону. Никого, наверное, сквозняк. Сон начал медленно заползать под веки, и вдруг что-то тяжелое, горячее, с угрожающим звуком плюхнулось прямо на грудь.

– А-а-а! – заорала я.

Послышался топот босых ног, потом вспыхнул свет.

– Ну? – спросил Сережа, щурясь. – Ты всегда орешь во

сне или только в гостях?

– Кто-то напал на меня, – пролепетала я, пытаюсь сесть.

– Боже, – вздохнул парень, – в нашем доме невозможно отдохнуть! Это всего лишь Муля. Ты лежишь в гостиной, а она привыкла тут ночевать, на диване, вот и пришла на свое место, подумаешь, ерунда какая, подвинься чуток.

– Кто такая Муля?

– Английский мопс, – напомнил парень. – Есть еще Ада, но та с хомьяками дрыхнет. Да не бойся, Мулька не кусается, храпит только немножко, спокойной ночи.

Свет погас, я осталась в гостиной. Мопс, абсолютно не стесняясь, развалился на мне. Маленькая с виду собачка оказалась на редкость тяжелой и горячей. Я попробовала спихнуть ее вбок, но Муля даже не вздрогнула, лежала камнем, вытянув лапы. Я брезгливо оглядела животное. Спать в одной кровати с грязной собакой! Хотя на первый взгляд Муля выглядела довольно чистой, и пахло от нее ментоловой жвачкой. Внезапно ее передние ноги быстро задвигались, задние задрожали, и, не открывая глаз, мопсик начал повизгивать. Мне стало смешно: надо же, оказывается, собаки тоже видят сны. Песик продолжал плакать. Я осторожно погладила его жирный бок. Муля вздохнула и успокоилась. Шерстка у мопсика оказалась нежной, просто шелковой на ощупь. Я машинально погладила ее еще разок, удивляясь приятному ощущению, потом вздохнула. Ну вот, трогала пса, теперь следует идти мыть руки. Но вставать не хотелось, внезап-

но диван показался страшно удобным, от мопса шло ровное тепло, и он сопел, тихо, совсем не противно. Я послушала несколько минут мерное дыхание и неожиданно вновь погладила Мулю. Пальцы случайно наткнулись на мордочку. Собачонка распахнула огромные сонные глаза и лизнула мою руку язычком, розовым и ужасно длинным. Прикосновение было моментальным и не слюнявым, словно кто-то очень нежно провел по ладони мокрой, теплой, замшевой тряпочкой. Я вздрогнула, мне говорили, что у животных глисты... Муля вздохнула и вновь поглядела на меня. Неожиданно стало спокойно и как-то хорошо, словно с души упал камень. Наверяд ли у этой собачки паразиты, все-таки в семье живет... Осторожно повернувшись на бок, я закрыла глаза. Раздалось сосредоточенное сопение, и в ту же секунду мопсиха нырнула под одеяло и прижалась к моим ногам спинкой. Я попыталась выпихнуть ее наружу, но незваная гостья только сопела. Через пару минут ледяные ступни согрелись, и наконец пришел крепкий и глубокий сон.

ГЛАВА 3

– Дай сюда, немедленно отдай! – кричал Миша.

– Сам возьми, – отвечала ему Наташа.

«Интересно, что это стряслось с мужем и прислугой?» – вяло подумала я, открывая глаза. В ту же секунду из груди вылетел вопль. На подушке, возле самого лица, покоилась мордочка обезьянки. Одним прыжком я подлетела к двери, рванула ручку и воткнулась головой в Сережин подбородок.

– Ой! – вскрикнул парень и схватился за лицо.

– Простите, – залепетала я, – но там макака, прямо в постели...

– Обезьян у нас, кроме Кирюши, конечно, нет, – отрезал Сережка и, глянув на диван, дико захохотал: – Это же Муля! Тебе спросонья причудилось.

Я обернулась: мопсика сидела посреди дивана. Не поверите, она улыбалась во всю омерзительную пасть.

– Ладушки! – хмыкнул Сережка и исчез в коридоре.

Оттуда незамедлительно донесся его крик:

– Ну, сколько можно собираться! Я из-за тебя опоздаю!

– Сапоги куда-то подевались, – ныл Кирюша, – и шапка.

Мам, я поеду без шапки.

– Ни за что, – вплелся в скандал Катин голос. – Менингит захотел?

– Да, – возмутился мальчишка, – а почему Юльке можно?

– Доживи до моих лет и ходи в ноябре голым, – парировала девушка.

– Так, прекратили базар, – заявила Катя. – Все немедленно вон!

Послышалось шуршание и возня.

– Минутку, кто пойдет с собаками? – спросил Сережа.

– Я, – ответила Катя. – Ладно уж, бегите.

Дверь хлопнула, воцарилась тишина. Мой взгляд упал на часы – восемь утра. Они что, всегда встают в такую рань?

Вдруг с улицы донесся вопль:

– Мама, скинь ключи от машины, забыл на вешалке.

– Вот олух! – в сердцах сказала Катя и завопила: – Держи!

Интересно, что думают по этому поводу соседи, или они все встают ни свет ни заря?

Внезапно Муля соскочила с дивана и, цокая когтями, унеслась в коридор.

– Девочки, гулять, – сообщила Катя и заглянула в гостиную.

Без косметики ее лицо выглядело моложе и как-то проще, волосы по-прежнему топорщились в разные стороны.

– Проснулась?

Я кивнула.

– Давай беги завтракать, кофе на столе, остальное найдешь сама в холодильнике.

– А вы куда? – робко поинтересовалась я.

– Гулять с крокодилами, – пояснила Катя.

Я невольно попятилась. Оказывается, в этом доме есть еще и аллигаторы.

– Муля, Ада, Рейчел! – завопила хозяйка.

Клубок прыгающих собак покатился на лестничную клетку.

На кухне царил разгром. На столе громоздились в беспорядке тарелки с остатками чего-то желтого, початая банка «Нескафе», пустая вазочка и несколько кусков сыра. Эмалированный чайник совершенно остыл.

Я уселась у стола и пригорюнилась. Примерно через полчаса Катя вернулась и сообщила:

– Холодно, жуть! А чего кофе не пьешь?

– Чайник остыл.

– Подогрела бы.

– Не умею зажигать газ спичками.

– Как это? – изумилась Катя.

Я принялась бестолково объяснять:

– Ну, у нас электрическая плита...

– Неужели у всех подруг тоже? – продолжала удивляться хозяйка, поворачивая ручку.

Я молчала, глядя на синее пламя.

– Ну вот что, – отрезала Катя, – понимаю, что домой не хочешь, ведь так?

– Да уж, лучше умереть.

– Ладно, мы решили поселить тебя пока у нас, поживешь немного, отойдешь, освоишься, а там поглядим, как жить

дальше.

– Но у меня нет денег, и платить за постой не могу...

– Я что, плату попросила? – ухмыльнулась хозяйка. – Только учти, тут за тобой ухаживать никто не станет.

– Нет, я так не могу, – проямлила я.

– Да погоди, – разозлилась Катя, – предлагаю пойти ко мне в домработницы. Квартира, видишь, огромная, мы ее из двух сделали, дети, собаки, да еще гости постоянно приезжают, родственники, чокнуться можно. Меня дома никогда нет, ухожу в семь тридцать, прихожу к программе «Время». Едим кое-как, убираемся через пень-колоду, а стираем вообще раз в году. Давно думала помощницу нанять, а тут ты на голову свалилась. Словом, получилось лучше некуда, сразу хороший выход для двоих. Тебе есть где жить и заработать, мне прислуга.

– Видите ли, – попыталась я охладить Катин пыл, – я совершенно не умею готовить...

– Подумаешь, – фыркнула хозяйка, – научишься! Дел-то! И потом, в будние дни дома до ночи никого нет. Кирюшка сначала в школе, потом бежит на секцию, гимнастикой занимается. Сережка раньше восьми не появляется, Юлька тоже. Забот немного. Утром всех растолкала, выпроводила, с собаками погуляла, покормила их и кошек, продукты купила, приготовила – и отдыхай.

От перечисления обязанностей у меня закружилась голова.

– Платить буду сто долларов в месяц, – сообщила Катя, – еда и все остальное, естественно, бесплатно. А насчет вещей не беспокойся. Вечером Сережка с антресолей чемоданы стащит, найдем и брюки, и свитер, и куртку.

Сто долларов?! Интересно, сколько Мишка платит Наташе, неужели такие же копейки?

– Ну? – поторопила Катя.

Мне некуда было деваться, и моя голова сама собой кивнула.

– Отлично, – подскочила на стуле Катя, – значит, так. Сейчас убегу часов до четырех, а ты тут осваивайся. Деньги в спальне, в комодке, ключи на вешалке. Кстати, машину водишь?

– Нет, – пробормотала я.

– Ничего, – бодро сообщила Катя, – научишься. И давай перейдем на «ты».

Она побежала в коридор, натянула черненькую курточку и схватилась за ручку двери.

– Да, вот еще...

– Что? – безнадежно спросила я, ожидая услышать от хозяйки какие-нибудь указания. – Что?

– Никогда не сдавайся. Выход из безвыходного положения там же, где вход, – выпалила Катя и унеслась.

Я пошла бродить по квартире. Она и впрямь оказалась большой. От длинного коридора влево и вправо отходили комнаты. Первая – гостиная, потом кухня, которую явно сде-

лали из двух помещений. Напротив – детская. Там царил жуткий беспорядок. Все пространство было забито разбросанными вещами. Книги и игрушки вперемешку валялись на письменном столе, полу и полках. Возле кровати громоздились обертки от шоколада... Следующей шла спальня Сережи и Юли. Там тоже было не слишком чисто, но все же аккуратней, чем у Кирюши. Вплотную к кухне прилегали апартаменты хозяйки. Я отметила, что это помещение самое маленькое, едва ли десять метров. Диван, кресло, шкаф... Места для жизни просто нет. У изголовья стопкой высились книги. Я ухватила верхнюю – Маринина, следующая – Дашкова. Надо же, тоже любит детективы. Интересно, кем она работает? Похоже, что в этом доме не слишком нуждаются. Мебель, правда, простая, но новая, у всех в спальнях стоит по телевизору, и вроде у них две машины.

Последние две комнаты оказались прибранными. Кровати были застелены пледами, и никакой одежды. Наверное, одну можно занять мне.

Следующие два часа я безуспешно пыталась прибраться. Вынесла мусор, помыла посуду и застелила кровати. Устала так, что затошнило. Сев на кухне, я развела холодной водой отвратительный растворимый кофе и, чувствуя, как желудок противно сжимается, подумала: «Надо все-таки научиться зажигать плиту». И тут громко и резко зазвонил телефон. Я вздрогнула и схватила трубку.

– Слышишь, Лампа, – донеслось из мембраны, – это я, Ка-

тя. Быстро одевайся и отправляйся в Володаевский проезд, квартира семь, дом девять, метро «Театральная». Там живет Костя Катуков.

– Зачем? – удивилась я.

– Не перебивай, – возмутилась Катя, – возьми у него портфельчик, небольшой, черный, кожаный, и привезешь на метро «Динамо». Буду тебя ждать у первого вагона в сторону центра ровно в полдень.

– Прямо так войти и потребовать чемодан?

– Именно. Скажи: «Костя, меня прислала Катя за документами» – он и отдаст.

– Но я не приготовила ужин, только чуть-чуть убрать решила.

– Плевать, давай быстрее, – отреагировала Катя и отсоединилась.

Я принялась бестолково одеваться. Деньги и впрямь нашлись в спальне, а ключи на вешалке, хуже обстояло дело с одеждой. Пальто оказалось безнадежно испорчено, сапоги так и не просохли. Пришлось открыть большой шкаф у входа, там отыскалась темно-розовая куртка, а в спальне у Кати нашлись подходящие по размеру брюки и пуловер. Я натянула пахнущие чужими духами вещи и чихнула. Однако странно, что до сих пор не заболела, и аллергия почему-то не пришла.

Из обуви мне подошли лишь весьма обтрепанные кроссовки, и, завязав шнурки, я выползла на лестницу. Собаки

молча глядели вслед влажными глазами, и непонятно почему я сказала:

– Ладно, девочки, не скучайте, скоро вернусь.

Муля и Ада зашевелили толстыми, свернутыми в кольцо хвостами, Рейчел тихо гавкнула.

Метро оказалось в соседнем доме. Надо сказать, что данным видом транспорта я не пользовалась много лет, а если честно, то, выйдя замуж, ни разу. Миша нанял шофера, который возил меня везде, куда надо.

У кассы я порылась в чужом кошельке и, вытащив десятку, попросила:

– Дайте четыре пяточка.

– Чего? – рявкнула из окошка старуха. – Какие пяточки?

– Для автомата, – ответила я. – Хочу в метро попасть.

– Ты, милая, никак проспала пять лет, – неожиданно ласково ответила бабка, – теперича карточки, и на твои денежки могу дать на две поездки.

Я кивнула и через секунду держала в руках бумажный прямоугольничек. Ехать оказалось минут двадцать, и дом стоял недалеко от метро, в глубине за телеграфом. Радуюсь, что так легко достигла цели, я позвонила в дверь. В ответ – тишина. Пришлось нажать кнопку снова, в «глазке» мелькнула тень, словно кто-то разглядывал непрошеную гостью.

– Вам кого? – глухо донеслось из квартиры.

– Здравствуйте, Костя, – вежливо сказала я, – мы с вами незнакомы, но не волнуйтесь, открывайте. Меня присла-

ла Катя за черным портфелем, кожаным.

Приоткрылась неширокая щель. Я продолжала улыбаться изо всех сил.

– Подожди, – велел голос, и дверь захлопнулась.

Подивившись на странную манеру принимать гостей, я прислонилась к косяку. Дверь вновь приоткрылась, и рука, на запястье которой сверкнули дорогие золотые часы, просунула нечто, больше похожее на планшет.

– Бери и уматывай.

– Большое спасибо, – ответила я.

Дверь хлопнула. Нет, все-таки в нашей стране много ха-мов!

У метро торговали хот-догами. Бойкая толстая тетка, уже успевшая нацепить валенки, подмигнула мне и крикнула:

– Горяченького не хочешь? Иди, с горчичкой!

Я демонстративно отвернулась, подобную дрянь, набитую токсинами, не возьму в рот даже под страхом смерти. Все-таки одежда играет огромную роль: когда выходишь в красивой норковой шубке из «Мерседеса», наглые торговки не бросаются с предложением купить малосъедобные продукты.

До «Динамо» я добиралась минут пятнадцать, хорошо хоть, не понадобилось делать пересадку. На платформе на скамейке сидела Катя, около нее пристроился крупный мужик, просто гора. На толстой, колонноподобной шее красовалась маленькая, плоская, словно змеиная, голова. При ви-

де меня Катя не встала. Лицо ее выглядело изможденным, каким-то серым, глаза глубоко ввалились, губы побледнели. Хозяйка казалась больной и какой-то пришибленной.

– Давай! – велел мужик, увидев, что я притормозила возле Кати.

– Отдай ему портфель, – прерывающимся шепотом про-
бормотала женщина.

Я протянула планшетик. Толстяк ухватил вещь левой рукой и, неловко орудуя, открыл. Правая рука его неподвижно висела. Инвалид, значит.

– Ну, падла, – прошипел мужик, показывая абсолютно пустую сумку, – ну дрянь, обмануть решила.

Катя побледнела еще больше и опять шепотом спросила:
– Это тебе дал Костя? Внутрь заглядывала? Ничего не потеряла?

Я почувствовала себя оскорбленной до глубины души. Ну за кого меня принимают?

– Именно Костя и именно данный портфель. И потом, я не имею привычки лазить по чужим сумкам.

– Закрой хлебало! – велел мужик.

Я осеклась.

– Это вы мне?

– Тебе, вошь убогая, – последовал ответ.

Катя вздрогнула и сказала:

– Он обманул меня.

– Нет, кисонька, – неожиданно ласково пропел толстяк, –

это ты меня обманула, и знаешь, что тебе за это будет?

Катерина напряглась, в ее больших голубых глазах плескался откровенный ужас, но голос звучал твердо:

– Отпусти меня, привезу сама.

– Три ха-ха, – заржала туша. – Нашла дурака! Нет уж, пусть эта ищет.

В мою сторону ткнулся сарделькообразный палец с довольно грязным ногтем, на котором нелепо, будто седло на корове, выделялся вульгарно дорогой золотой перстень с крупными камнями, издали сильно смахивающими на брильянты.

– Эта не сможет, – размеренно ответила Катя, – не тот человек. Разреши, Лене позвоню.

– Вот еще, стану я тут перед всеми твоими бабами светиться, – вызверился монстр, – сказал – эта, значит, эта.

Катя опустила голову.

– Слушай сюда, – велел мне мужик. – Здесь лежали бумаги, несколько листочков, и негативы. Найдешь и принесешь на это самое место, на «Динамо», ровно через две недели, 17 ноября в час дня. Не сделаешь – от Катьки рожки да ножки останутся!

Он сердито пошевелил правой рукой, в ту же минуту у Кати дернулась левая, лежащий между ними шарф упал, и я с ужасом уставилась на наручники.

Бедная Катюша оказалась прикована к горе сала.

– Чего буркалы выпятила? – прохрипел толстяк.

– Что? – не поняла я.

– Глаза закрой, на пол уронишь! – выплюнул мужик. – Подними шарф и прикрой браслеты.

– Что? – снова не поняла я.

– Слышь, фефела, ты не из Белых столбов бежала? – не успокаивался толстяк.

– Возьми шарф и брось на наручники, незачем внимание привлекать, – безнадежно сказала Катя, потом добавила: – Говорила же тебе, Слава, она не тот человек.

– Заткнись, быстро, – велел собеседник и вновь обратился ко мне: – Ну так понятно?

– Нет, – затрясла я головой. – Где я возьму документы?

– В сарае на полке, где воют волки. Ищи.

– погоди, Слава, – попросила Катя, – дай ей объясню.

– По-быстрому только, – велел «кавалер», – недосуг тут жопу просиживать.

– Лампочка, – ласково завела Катя, – поезжай снова к Косте и попробуй узнать, куда он задевал документы. Очень постарайся, иначе, боюсь, последствия окажутся слишком тяжелыми.

Увидав мое вытянувшееся лицо, она быстро добавила:

– Не волнуйся, скорее всего Костик просто перепутал портфели, у него два одинаковых. Сереже и Юле скажешь, что я уехала в командировку, в Кемерово, они привыкли и удивляться не станут. Поняла?

Я закивала.

– Вот и умница, через две недели встретимся. Теперь запомни. Там три листочка, синего цвета, необычная такая бумага, не перепутаешь, и четыре фото с негативами. На них разные люди, в основном мужчины. Все положено в красную папочку, сверху написано «Комбинат». Поняла?

Я опять кивнула.

– Действуй, – велел жиртрест и резко встал. Катя тоже поднялась.

– Лампочка, – прошептала она, – ты уж постарайся. Впрочем, если, не ровен час, не получится и мы больше не встретимся, заклинаю, не бросай моих, у них никого, кроме меня, замени им мать...

– Пошли, – дернул мужик и поволок Катю.

Та покорно двинулась, но, отойдя на метр, обернулась и крикнула:

– Богом прошу, не бросай! Знай, я тебе их отдала!

– Давай, давай, – велел жирный пузырь, и они исчезли за колонной.

Я плюхнулась на скамейку и только сейчас поняла, как устала. День был заполнен незнакомыми, тяжелыми хлопотами – сначала уборкой, потом поездкой, теперь вот этой жуткой встречей. Постепенно заработал ум. И почему я не позвала милицию? Хотя здоровенный парень скорее всего не дал бы этого сделать... И что имела в виду Катя, говоря о детях? Внезапно мои уши загорелись огнем, а по спине потекли струйки пота. До разума только что дошел смысл

сказанных ею фраз. Если не найду документы, Катю попросту убьют, и я должна стать матерью Сереже, Кирюше, Юле, трем собакам, двум кошкам, хомякам и жабе Гертруде. Боже, я даже не знаю их фамилию!

ГЛАВА 4

Часы показывали полпервого, и я вновь покатила на «Театральную». Но на этот раз на звонок никто не отзывался. Понажимав для порядка на пупочку, я легонько постучала кулаком в дверь, и та неожиданно подалась.

Я оказалась в довольно большом холле, обставленном дорогой кожаной мебелью цвета топленого молока.

– Здравствуйте! – крикнула я. – Костя, отзовитесь!

Но в ответ – тишина, лишь слышно, как в унитазе журчит вода. Ушел и забыл захлопнуть дверь?

На всякий случай я заглянула в комнату и увидела на широком темно-зеленом велюровом диване мирно спящего мужчину. Обрадовавшись, я подошла поближе и громко сказала:

– Костя, Катя просила забрать документы, красную папочку на завязочках с надписью «Комбинат».

Но мужик даже не вздрогнул. Надо же, как крепко спит!

Я первый раз оказалась в столь нелепой и двусмысленной ситуации: непрошеной гостьей в чужом доме, возле постороннего, незнакомого мужчины. Но делать было нечего, все равно придется его будить, мне очень нужны документы.

– Эй, – позвала я на тон громче, – здравствуйте и отзовитесь, пожалуйста!

Ноль эмоций, хозяин даже не вздохнул, как это обычно де-

лают просыпающиеся люди. Поколебавшись, я потянула его за плечо. Неожиданно тело легко повернулось и опрокинулось на спину. Из моей груди вылетел крик. Когда-то красивые породистые черты мужчины искривила предсмертная гримаса. Лица почти нет, вместо носа жуткая дыра, один глаз прикрыт, другой остекленевшим взглядом уставился в потолок. Рот страшно съехал в сторону, но ужаснее всего были руки – из пиджака торчали окровавленные обрубки.

– Эй, – прошептала я, чувствуя, как сжимается желудок, – эй, вы что, умерли?..

Но хозяин продолжал молча глядеть на люстру. Господи, а я держу его за плечо!

Рука разжалась, ноги побежали к окну. В ту же секунду к горлу подступила тошнота, и я кинулась в туалет, второпях влетела в ванную и склонилась над раковиной. Тело довольно долго сотрясала судорога, кое-как придя в себя, я прислонилась к новой стиральной машине. Ну и как поступить? Вызвать милицию? Совершенно невозможная вещь. Во-первых, придется объяснять, как и зачем я попала в квартиру, а во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, сотрудники правоохранительных органов потребуют документы... Нет, такое просто невозможно. Миша небось уже отнес заявление об исчезновении жены, а мне совершенно не хочется вновь встречаться с супругом. Выход один – бежать отсюда скорей, пока кто-нибудь не пришел. Хотя, судя по одинокой щетке в стакане и исключительно мужской парфюмерии на полочке,

Костя был холостяк.

Собрав в кулак остатки воли, я, зажмурившись, чтобы не наткнуться взглядом на труп, доковыляла до входной двери. Руки сами собой схватили сумочку, ноги вынеслись на лестницу. Загудел лифт, испугавшись, я рванула к лестнице и перевела дух, только оказавшись в метро. Еще не хватало, чтобы какая-нибудь глазастая тетка запомнила мои приметы и доложила дознавателям.

Расслабившись на сиденье, я закрыла глаза и вытянула ноги. В ту же секунду мои ступни получили довольно ощутимый удар. Толстая бабка, тащившая грязную сумку на колесиках, злобно прошипела:

– Ишь развалилась, людям не пройти.

Я убрала ноги, сидевшая напротив меня бабища в жутком зеленом пальто заявила:

– И правильно, лапы таким ломать надо, не умеешь себя в транспорте вести, ездй на такси, коли средствов хватит!

Ее красное лицо гневно хмурилось, а губы сжались в тонкую нитку. Я только вздохнула: нет, в «Мерседесе» с личным шофером куда лучше.

Дверь квартиры открылась с трудом, комок повизгивающих собак бросился в ноги. Мопсы встречали меня как родную, Рейчел проявила меньше энтузиазма. Сначала стаффордширица убежала в кухню, а затем принесла в пасти поводок и зачем-то положила на порог. Я тщательно помыла руки и как подкошенная рухнула на диван. Спать хотелось

безумно, на тело навалилась дикая усталость, ноги налились свинцом, в горле першило. Следовало ради профилактики принять две таблетки аспирина, но сил встать не оказалось.

Меня разбудил громкий говор.

– Даже хлеба нет! – кричал Кирюша. – Жратеньки хочется, Юль, сваргань яишенку с гренками и луком.

– Сам же сказал, хлеба нет, – ответила девушка и велела: – Бегом в магазин, купи чего-нибудь для быстрого приготовления.

– Какое безобразие, – завопил Сережа, – кто написал в коридоре?

– У того большое горе, – отозвался бодро Кирюшка.

– Давай, гони за пельменями, поэт! – прикрикнул старший брат и добавил потише: – Лужа маленькая, значит, не Рейчел. Ну, мопсы, колитесь, чья работа?

Раздались сочные шлепки.

– Не трогай их, – велела Юля, – не виноваты собаки, с ними просто не вышли вовремя. Интересно, куда подевалась Катя? Говорила, целый день просидит, и улетела. Продукты не купила, собак не выгуляла...

С трудом оторвав голову от подушки, я крикнула:

– Катя уехала в командировку!

В коридоре на секунду стало тихо, потом Юля и Сережка влетели в гостиную.

– Куда? – спросили они хором.

Я растерялась: совершенно не умею врать. Впрочем, если

задуматься, в моей жизни до сих пор не существовало тайн.

– Город такой назвала, вроде на К.

– А, понятно, – вздохнул Сергей, – Кемерово. Ну мать, ну пройда, специально вчера нам не сказала.

– Вот хитрюга, – подхватила Юля, – знала, что мы не разрешим в отпуске работать...

– Она в отпуске? – отчего-то спросила я.

– Ну да, – ответил юноша. – Вчера вышла, а сегодня, пожалуйста, умотала, за деньгами помчалась, сказал же, проживем чудесно без дурацких приработков. И ведь теперь даже звонить не станет, чтобы мы не ругались!

– Слушай, Лампа, – медленно спросила Юля, – а ты давно дома?

Я глянула на часы. Надо же, подрыхла почти четыре часа!

– Пришла около трех.

– Ну ничего себе, – вскипела Юля, – и собак погулять не вывела, и об ужине не подумала!

Я растерянно уставилась в ее рассерженное лицо.

– Надо было выйти с псами?

– Конечно, – ответил Сережка, – они унитазом пользоваться не умеют. Знаешь, какая там лужа в коридоре.

– Извините, – пролепетала я, – но я никогда не жила с животными...

– Ясненько, – бодро резюмировал Сергей. – Ладно, пойду прогуляю девочек.

Хлопнула дверь, и Кирюшка заорал:

– А кто пельмешки заказывал!

– Иду, – отозвалась Юля, и тут же из коридора понесся ее недовольный голос: – Чего такие дорогие взял, в следующий раз «Дарью» покупай.

– Они несъедобные, – сообщил Кирюшка, – тесто толстое, внутри веревки.

– Это натуральные, экологически чистые жилы, – хмыкнул Сережка. – Ну кто же в готовые пельмени мясо положит!

– Замолчи, а то меня сейчас стошнит! – выкрикнула Юля.

У меня заломило в висках, от этой семьи слишком много шума. Лягу-ка лучше спать, кажется, мигрень начинается. Но не тут-то было. На пороге появилась Юля и сообщила:

– Сережка гуляет с псами, Кирюшка пошел за хлебом, я варю пельмени, а ты вытри лужу.

– Чем?

Юля хихикнула:

– Тряпкой, конечно, чем же еще!

– Где она?

– Как у всех, в ванной. Ты дома половую тряпку в спальне держишь?

Чувствуя, как в голове ворочается боль, я побрела в коридор. Надо же, я даже не знаю, где Наташа хранит тряпки. Кусок старого полотенца нашелся под раковиной. Я как следует намочила его и шлепнула в коридоре. Вместо того чтобы исчезнуть, лужа отчего-то стала еще больше. Я принялась

гонять воду по полу.

– Эй, послушай, – спросила увидевшая эту картину Юля, – ты полы никогда не мыла?

Конечно, нет, всю жизнь берегла руки, у арфистки должны быть чуткие пальцы, и потом, слабое здоровье не позволяет заниматься домашним хозяйством.

– Дай сюда, горемыка! – велела девушка и дернула тряпку.

Потом она принесла небольшое красное ведро, ловко выжала бывшее полотенце и в мгновение ока ликвидировала «океан». Я стояла пень пнем, оказывается, надо было не мочить, а выкручивать тряпку.

– Ведро в унитаз вылить сможешь? – с издевкой спросила Юля и унеслась.

Выполнив приказ, я ушла в гостиную и вновь легла. Голова болела немилосердно.

– Лампочка, – раздался Кирюшин вопль, – иди ужинать!..

– Не хочу, – вяло отозвалась я.

– Иди быстрее! – не успокаивался мальчишка.

Пришлось подниматься. На столе исходила паром миска.

– Тебе сколько? – спросил Сережа и, не дожидаясь ответа, наполнил тарелку. – Кетчуп, горчица, сметана...

Я принялась вяло ковырять вилкой поданное. Остальные ловко и споро запихивали в рот клейкие куски отвратительного на вид теста. Причем ели они пельмени с хлебом. Очевидно, в этом доме даже не слышали о правильном питании.

– Хорошо как – в холод горяченького, – пробормотал Се-

режа, блаженно шурясь.

– Не вздумай заснуть, – пнула его в спину Юля, – надо посуду помыть.

– Кирка помоем, – отбивался муж.

– Индейское жилище фиг вам, – завопил мальчишка. – Знаете, сколько уроков назадавали! Пусть Юлька...

– Во-первых, не Юлька, а Юлечка, – прервала девушка, – а во-вторых, домой работу взяла, завтра номер веду. Так что, Сережка, берись за губку.

– Минуточку, – сказал парень, – помните, что мать вчера сказала?

– Что? – в один голос спросили домочадцы.

– Лампу прислала из Петербурга к нам Нинель Михайловна...

– Ну, и чего? – заторопила Юля.

– А зачем прислала? Чтобы она у нас трудилась на ниве домашнего хозяйства, домработницей. Мать ей оклад положила, сто баксов. Верно?

Все кивнули.

– Тогда и спорить нечего, – сообщил Сережа и повернулся ко мне: – Считай, твой рабочий стаж пошел, начинай. Да не бойсь, мы помогать станем, когда сможем.

– Ладно, – пробормотала я, чувствуя полную безысходность. – Где у вас посудомоечная машина?

– Нетуньки, – пропела Юля, – губочкой трем вместе с «Фейри». Ладно, мне некогда.

И она выскользнула за дверь. Следом вылетел Кирюшка, последним, зевая, ушел Сергей, я осталась наедине с горой посуды. Ну ни за что бы не подумала, что несколько человек, поев на ужин всего лишь пельмени, оставят столько грязи!

Четыре глубокие тарелки, три пустые и одна полная, чашки, блюдца, вилки, ножи, ложки, кастрюлька с противной жирной водой, шумовка...

На раковине в резиновой подставочке лежала омерзительного вида губочка, вся в кофейной гуще. И ЭТИМ предлагается мыть посуду. Да к данному предмету противно и щипцами прикасаться! Но альтернативы нет.

Я взяла кусок поролона двумя пальцами, словно дохлую мышь, и попыталась отскрести жир. Но тарелка и не собиралась становиться чистой. Она противно скользила и норовила упасть в весьма грязную раковину.

– Эй, Лампа! – донеслось из-за спины.

Я обернулась. Юля, ухмыляясь, глядела мне в лицо.

– Ты посуду когда-нибудь мыла? Возьми «Фейри»,пусти воду погорячей. Кстати, подъем завтра в семь.

И, хмыкнув, она ушла. Я послушно налила жидкое мыло, дело пошло веселее. Примерно через час я оглядела плоды своего труда и осталась довольна. Из коридора не доносилось ни звука, мои хозяева спали. Я тихонько прокралась в гостиную и обнаружила на диване мирно сопящую Мулю. Кое-как подвинув каменное тельце недовольно ворчащей мопси-хи, я рухнула на подушку и вытянула отчаянно ноющие но-

ги. Никогда так не уставала. Сквозь наплывающий сон пробила мысль: сегодня не приняла, как всегда, ванну на ночь, не сделала маску. Да что там маска, даже зубы не почистила. Впрочем, и нечем, щетки пока нет. А на нет и суда нет.

Утро вновь началось с многоголосого крика.

– Кошмар, – вопила Юля, – девять утра! Сережа, быстрее!

– Девять! – заорал Сергей. – Скорей, Кирка, одна нога здесь, другая там.

Потом они влетели в гостиную и завизжали, как циркулярная пила:

– Лампа, ты почему нас не разбудила!

– Надо было будить? – ошарашенно спросила я, пытаюсь спросонья сообразить, который час.

Взгляд упал на будильник. Пять минут десятого. Чего они так разволновались, ну кто встает в такую рань.

– Очень даже надо, – сообщил Сережка и унесся в коридор.

Потом хлопнула дверь. Я осталась одна с собаками. Не успела моя голова коснуться подушки, как раздался звонок в дверь.

– На, – сказала Юля и сунула мне в руки маленькую сумочку,

– извини, по ошибке твою схватила!

Она подцепила небольшой ридикюльчик и крикнула:

– Собак выгуляй!

В изумлении я уставилась на сумку. Нет, она не моя, но и

не Юлина, так чья, Катина?

С улицы донеслось:

– Лампа, брось ключи, на зеркале забыл!

Я высунулась в форточку и увидела Сережку возле старого белого «Форда».

– Собак выведи! – напомнил парень.

Я пошла на кухню и уставилась на чайник. Десять бесплодных попыток зажечь газ довели почти до истерики. Ручка сама собой роняла спичку, и конфорка не желала вспыхивать. Наконец догадалась, нашла газету, подожгла ее и поднесла к горелке. Первая победа над бытом окрылила, и я села пить кофе. В холодильнике нашлась лишь пачка масла, они ждут, что я пойду за продуктами. Внезапно в голове появилась мысль. Сумочка! Вчера, убегая в ужасе из квартиры убитого Кости, я машинально схватила ее в прихожей, просто привыкла всегда появляться с элегантными аксессуарами... Значит, попросту украла чужую вещь. И что делать? Ладно, будем разрешать трудности по мере их поступления, сначала прогуляем собак.

Крикнув бодрым голосом: «Гулять!» – я вывела стаю во двор.

Мопсикх моментально присели у подъезда, Рейчел отошла к клумбе.

Надо же, как просто. Посчитав процедуру законченной, я велела:

– Домой!

Рейчел подняла на меня умные глаза и деликатно сказала:
– Гав.

– Домой! – повторила я.

Псы недоуменно переглянулись, но послушались. Интересно, чем они недовольны, вроде пописали.

Дома я вновь подожгла газету, подогрела чайник и развела кофе. Что делать? Что будет с Катей? Где взять бумаги? Может, наплевать на все и вернуться к Михаилу? Но тут перед глазами встали бегемотообразный парень и худенькая Катя, прикованная к нему наручниками. Вновь возникло ее бледное лицо, и в уши ворвался прерывающийся, нервный голос: «Лампочка, если больше не встретимся, не бросай детей, у них никого нет! Знай, я тебе их отдала».

Спина неожиданно вспотела. Да ее убьют, если я не принесу эти чертовы документы! И всю оставшуюся жизнь потом проживу с ощущением, что отправила человека на смерть? Пойти в милицию? Ну уж нет...

В самый разгар тягостных раздумий в кухню вошла Рейчел и вновь деликатно произнесла:

– Гав.

Я посмотрела на нее:

– Чего тебе?

– Гав.

– Уж извини, не понимаю.

Тут в кухню, переваливаясь, вошли мопсы и уставились на меня похожими на спелые сливы глазами. Собаки явно

чего-то хотели.

– Гав, – повторила Рейчел.

Муля и Ада затрясли жирными хвостами. В довершение картины появились кошки и заорали как резанные:

– Мяу, мяу!

Просто Содом и Гоморра!

– Да что вам надо?!

В ту же секунду Рейчел ухватила пустую миску и бросила к моим ногам:

– Гав.

Все сразу стало на свои места – животные хотят есть.

В холодильнике нашлась пачка масла, а на столе батон белого хлеба, сделав бутерброды, я протянула первый Муле. Мопсика подергала носом и схватила угощение. «Доярушка» и батон исчезли в мгновение ока. Правда, кошки даже не приблизились к кушанью и продолжали ныть, словно волынки.

Я пошла в прихожую. Ладно, съезжу еще разок в эту страшную квартиру, постараюсь не смотреть на диван и поищу документы. Небось лежат в столе или секретере, заодно верну сумочку.

ГЛАВА 5

Дверь оказалась запертой, и ее украшала бумажная полоска с печатью. Я безуспешно подергала ручку и растерянно прислонилась к косяку. Сумочка выпала из рук, жалобно звякнув. Я подняла ее, от падения она открылась. Внутри обнаружился паспорт на имя Волковой Маргариты Федоровны. С фотографии глядела довольно молодая и не слишком симпатичная женщина с дурацкой старомодной «халой» на макушке. Еще там лежали дешевая пудреница, расческа, не слишком чистый носовой платок и связка ключей.

Секунду я глядела на два причудливых ключика, потом сунула один в замочную скважину. Он подошел идеально и повернулся как по маслу. Бумажка упала. Дверь тихо-тихо растворилась. Я скользнула в квартиру и захлопнула замок. Если бы моя мамочка узнала о таком, ни за что бы не поверила!

В холле оказалось сумрачно, а в комнате темновато. Правда, день сегодня был слякотный, тучи прямо висели над головой. На диване – никого, и почему-то все вокруг засыпано мельчайшим порошком, смахивающим на тальк.

Стараясь не слишком шуметь, я подошла к письменному столу и принялась открывать ящики. Руки быстро перебирали содержимое, но ничего интересного не попадалось. Сигареты, скрепки, пачка счетов, упаковка анальгина, пара пи-

сем...

И вдруг до ушей донесся звук открывающегося замка. Сказать, что я испугалась, не сказать ничего. Тело действовало быстрее разума. Одним прыжком я взлетела на подоконник и затаилась за занавеской, так пряталась от преследователей одна из героинь обожаемых детективов, не помню какая.

Толстые портьеры не позволяли видеть вошедшего, только было слышно, как человек аккуратно ходит по комнате, следом донеслось шуршание и мерное пиканье.

– Алло, – долетел до уха мелодичный женский голос, – прикинь, мы опоздали. Здесь кто-то был. Дверь не заперта, а просто прихлопнута, ящики письменного стола открыты... Милиция? Вряд ли, ну зачем им семейные фото? Нет, это кто-то еще прознал, но кто?

Воцарилось молчание, потом невидимая незнакомка добавила:

– Думаешь, Ритка прихватила? Ну, вообще-то он мог ей рассказать, ладно, придется потрясти кретинку, вечером займусь, а сейчас на работу двину, пока, Славка, до связи.

Послышалось тихое шуршание, потом звук спускаемой воды, очевидно, гостья воспользовалась туалетом, следом легкие шаги и звук захлопывающейся двери. Постояв на всякий случай еще пару минут неподвижно, я попробовала сойти с подоконника. Честно говоря, удалось с трудом. Ноги окаменели, спина потеряла гибкость, да еще от окош-

ка немилосердно дуло, и нижняя часть туловища превратилась просто в кусок льда. Только воспаления придатков не хватает! Хотя удивительно, но факт – начавшаяся вчера вечером мигрень испарилась без следа, не оставив о себе сегодняшним утром никаких воспоминаний. Как правило, головная боль посещает меня как по часам, раз в месяц. Приступ длится примерно три дня, и я провожу их в затемненной спальне, с тазиком у кровати, а Наташа постоянно ставит компрессы...

Оказавшись на полу, я на негнущихся ногах пошла к двери и тут поняла, что просто обязана посетить «уголок задумчивости». Туалет был отделан черными плитками, красиво, но слишком мрачно. А Константин, очевидно, был пижон. Все аксессуары подобрал в тон – щетку, полочку и даже держатель для туалетной бумаги.

Я отмотала полоску пипифакса и сунула в карман сотовый, лежащий под рулоном на полочке. Ну вечно я так, положу телефон, чтобы освободить руки, а потом забываю! Только не хватало оставить его в квартире убитого мужчины!

Прежде чем выйти на лестницу, я глянула в «глазок» и убедилась в полной безлюдности площадки. Секунду поколебавшись, взяла сумочку и побежала вниз.

Ледяной ноябрьский ветер ударил прямо в лицо. По тротуару мела юркая поземка, а на ногах у меня были кроссовки, другой подходящей обуви не нашлось. Замшевые сапоги сегодня высохли, но они совсем тонкие и не предназна-

чены для похода по слякотным улицам. А грязь под ногами, несмотря на бодрый морозец, разливалась ужасная. Какая странная погода!

Поеживаясь, я влетела в метро и села на скамеечку. Вот оно как! Эти документы ищет еще какая-то женщина, и она заподозрила, будто их унесла Рита. Может, это Волкова Маргарита Федоровна, чья сумочка сейчас спокойненько висит у меня на плече?

Я вытащила паспорт и в две секунды узнала адрес – Тверская улица. Большие часы прямо над головой показывали ровно полдень. Я быстренько принялась соображать. На дорогу туда-назад двадцати минут хватит за глаза. Ну, предположим, часок на беседу с дамой... Возьму документы – и домой. Все равно никто раньше семи не появится, успею и собач выгулять, и продукты купить, а главное, добуду бумаги.

Полная энтузиазма, я влетела в вагон и, плюхнувшись на диванчик, поглубже запихала под сиденье ноги. В поезде почти никого не было, редкие пассажиры уткнули носы в книги. Надо же, мне и не пришло в голову, что в метро можно читать. Куплю на обратную дорогу детективчик и совмещу приятное с полезным.

Высокий дом постройки начала века радовал глаз нежно-розовым фасадом, со стороны же двора выглядел серо-унылым. То ли краски не хватило, то ли решили, что с изнанки и так сойдет. Как во многих старых домах, в этом не было лифта, и пришлось пешком подниматься по безраз-

мерным пролетам.

Дверь распахнулась сразу, и весьма интересная женщина примерно лет сорока приветливо спросила:

– Кого ищете?

Я протянула сумочку и спросила:

– Ваша, Маргарита Федоровна?

Дама резко изменилась в лице, отступив в глубь коридора, неожиданно визгливо выкрикнула:

– Из милиции, да? За мной, да?

Я лихорадочно соображала, как поступить, но Волкова, очевидно, восприняла мое молчание неправильно, потому что рыдающим голосом заявила:

– Умоляю, не губите, выслушайте, я не убивала Константина, только послушайте...

Глаза ее лихорадочно блестели, шея и лоб покраснели, а щеки превратились в белые пятна.

– Пойдемте, пойдемте, – просила Маргарита, – все расскажу, и поймете, что я ни при чем. Да проходите!

В первую секунду я хотела ее успокоить, отдать сумочку и попросить бумаги. Но сейчас в голову закралась мысль: а что, если она их не отдаст? Наверное, лучше разрешить даме высказаться. Навряд ли она станет изливать душу перед незнакомкой, а сотруднице милиции уже готова выложить секреты...

Молча кивнув, я прошла на кухню. Маленькая комнатка просто блестела: чисто вымытый кафель, сверкающая мойка

и плита, хорошенький беленький электрочайник...

– Кофе, чай? – засуетилась хозяйка.

– Чай, пожалуйста, желательно цейлонский, без сахара, – попросила я и без паузы поинтересовалась: – За что убили Константина Катукова?

Маргарита подскочила на месте:

– Боже, я не имею к нему никакого отношения!

Я хмыкнула. Если долгие годы читаешь подряд всю литературу на криминальную тематику, невольно научишься мыслить логически. К тому же у меня, как у всех музыкантов, отлично развита память.

– Не надо говорить неправду. Данная сумочка лежала в квартире у Катукова, а в ней ваш паспорт и ключи от его апартаментов. Не думаю, что он доверил бы их абсолютно посторонней женщине.

– Вы не так поняли, – принялась выкручиваться Маргарита, – я не имею ничего общего с убийством, а Костю отлично знала.

– Вот и расскажите все по порядку, – велела я, стараясь придать голосу уверенность, потом напряглась и припомнила необходимые слова: – Добровольное признание облегчит вашу вину.

Маргарита нервно ухватила пачку «Парламента», я хотела было попросить ее не курить, но, подумав, промолчала. Пусть расслабится. Клубы дыма поднялись к потолку, вместе с ними плавно потек и рассказ.

Маргарита работает кассиром в супермаркете, сутки сидит в магазине с полудня до полудня, сутки дома. Продукты у них дорогие, простому человеку не по карману, находится супермаркет в самом центре, поэтому его завсегда и люди более чем обеспеченные. Днем заглядывают дамы в таких нарядах и шубах, что никаких модных журналов покупать не надо, просто показ «высшей моды». К вечеру, ближе к полуночи, публика делается попроще, в основном актеры близлежащих театров. Отыграют спектакль и вспомнят о хлебе насущном, ну а после часа начинает подъезжать совсем специфическая публика. Молодые люди в черных кожаных куртках, на джипах и неприметных «девятках», чаще всего в обнимку с длинноногими раскрашенными девицами. Этим молочный отдел и бакалея ни к чему, крушат прилавки в винном, скупают гастрономию, но ведут себя вежливо и, как правило, оставляют Рите сдачу «на чай». Сменщица Волковой, хорошенькая двадцатилетняя Олечка, жаловалась, что братки пристают к ней, предлагают деньги и отдых за городом, но к Рите никто из бандитов не лез. К ней вообще не приставали покупатели. То ли была не слишком хороша собой, то ли вышла в тираж по возрасту.

Константин подошел к кассе в полпервого ночи. Поставил несколько банок консервов, положил сосиски и бутылочку кетчупа «Чили». Маргарита выбила чек и спросила:

- Знаете, что кетчуп невероятно острый? Просто пожар.
- Правда? – удивился покупатель. – Ну спасибо, пойду по-

меняю.

Потом разговорились, а через день Костя пришел вновь. С тех пор он начал ходить регулярно, и Рита поняла, что мужчина холостяк и не стеснен в средствах. К тому же он понравился ей с первого взгляда – темноволосый, кареглазый, мило улыбающийся. Пахло от Константина хорошим одеколоном, одежда явно была не с Черкизовского рынка, а расплачиваясь, он частенько клал у кассы сотовый телефон и ключи от машины. Словом, Рита принялась одеваться на работу, как на праздник, тщательно краситься и даже разорилась на настоящие французские духи.

Через месяц у них начался необременительный роман. Особых надежд ни одна, ни другая сторона не питали, но, встречаясь примерно раз в неделю, отрывались по полной программе, в основном на холостяцкой квартирке у Катукова. Он оказался отличным любовником, нежным, ласковым, и всегда старался доставить партнерше удовольствие. Причем не только в постели, дарил милые пустячки, цветы, сыпал комплиментами. Скорей всего у него были и другие женщины, пару раз Рита находила в ванной чужие заколки, но кассирша не делала из этого открытия трагедии.

Замуж за Константина она не собиралась, два неудачных брака начисто отбили охоту к семейной жизни. Не смущало Риту и то, что Костя очень мало говорил о себе. Любовница знала лишь о его работе в театре «Рампа», но никаких спектаклей там не видела.

– У меня не слишком большие роли, – усмехался Костя, – но надеюсь со временем пробиться.

Приятные отношения тянулись полгода. Все-таки, очевидно, актер выделял кассиршу из общей массы дам, потому что месяца два тому назад дал ей ключи от квартиры. По четвергам Рита, если не работала, приходила часам к одиннадцати, готовила ужин, гладила рубашки, иногда убирала... Потом они вместе ели у телевизора и укладывались в кровать. Этакая имитация семейной жизни, но большего им двоим и не хотелось. Впрочем, когда у кассирши случился приступ аппендицита, Костя проявил себя с лучшей стороны: отвез в больницу, заплатил хирургу и даже явился после операции в палату с передачей. Рита глянула на банку с паровыми котлетами и усмехнулась. Угощение явно готовила другая любовница, только женщина способна сначала проверить мясо с хлебом, а потом довести до кондиции на пару. Костя скорее всего купил бы сосиски... Но ее это не обидело, а, как ни странно, порадовало. Значит, Константин и впрямь ценит их отношения, раз велел бабе сделать обед.

Вчера она, как всегда, пришла утром, где-то в районе двенадцати. Положила сумочку у входа и хотела слегка прибраться, но тут вдруг заметила на диване Костю. Рита удивилась и, подумав, что любовник заболел, окликнула его. Страшная правда открылась ей сразу, лишь только взор упал на лицо Катукова. Маргарита, сама не понимая почему, уложила несчастного вновь на бок и укрыла пледом. Дурацкий

поступок, но руки действовали сами, помимо воли хозяйки. Разум заработал позднее, и он подсказал Маргарите: бежать. Вызвать милицию женщина побоялась. Она выскочила на лестничную клетку, хлопнула дверью и всю дорогу до дома пыталась сообразить, остались ли в квартире какие-нибудь улики против нее. Выходило, что нет. Вещей своих она у Кости не держала, разве что в книжке, наверное, записан ее телефон, но это не улика. И, только оказавшись дома, она сообразила, что сумочку с паспортом оставила лежать у Кости в прихожей. Еще хорошо, что ключи от своей квартиры она дала соседке и подруге Наденьке. Накануне вечером всех жильцов предупредили о необходимости сидеть дома, «Мосгаз» собирался менять в подъезде плиты. Но Рите не хотелось пропускать свидания, и Наденька пришла на помощь.

Весь день Маргарита Федоровна провела в ужасе, строя планы, как лучше проникнуть в захлопнутую квартиру, но в голову ничего не шло. Ночь прошла почти без сна, в девять утра она позвонила на работу и прикинулась больной. Мысли бились в голове, и с каждой минутой страх становился все сильнее.

– Верите, ей-богу, не я, – повторяла Маргарита Федоровна, нервно подрагивая носом, – да и зачем мне его убивать? Никаких причин!

– Думаю, вы говорите правду, – сказала я, – теперь припомните, пожалуйста, он не давал вам на сохранение бумаги, несколько листочков синего цвета, да еще фотографии...

Скорей всего это лежало в большой папке с завязочками и надписью «Комбинат».

– Нет, – покачала головой Рита, – он никогда и ничего не просил прятать.

– Знаете кого-нибудь из его женщин?

– Нет, – покорно ответила Рита и добавила: – Впрочем, мужчин тоже...

– Он ни с кем вас не познакомил?

– Нет, – обескураженно ответила кассирша, и я вновь ей поверила. Ведь за долгое время брака с Михаилом я сама свела знакомство лишь с двумя семьями, домой практически никто не звонил, все сообщения приходили к Мише на мобильный.

В метро я вновь села на скамеечку и перевела дух. Знаете, почему я не сомневалась в правдивости слов Волковой? Она сказала, будто пришла к двенадцати утра, открыла замок своим ключом, а потом в ужасе убежала, оставив сумочку и захлопнув машинально дверь... Потом и рада была забрать улику, да вход заперт! Но я второй раз явилась около часа и нашла квартиру открытой. Значит, кто-то вошел в промежутке от двенадцати до тринадцати, взял документы и отправился восвояси. Причем скорей всего это был близкий Константину человек, потому что он воспользовался ключом. Версию об отмычке я отмела сразу. Дело в том, что у Катукова на двери стоит крайне дорогое и хитрое запорное устройство фирмы «Аблоу». Так вот, такие замки украша-

ют и двери квартиры Михаила. В свое время супруг, человек занудливый и дотошный, изучил массу запоров и остановился именно на этом. Ключ у данного «сторожа» похож на палочку, утыканную железными полосками, и действует он по принципу магнита, только не спрашивайте как, все равно не объясню. Важно другое: обычная отмычка бесполезна в данной ситуации. Она представляет собой, грубо говоря, крючок, цепляющий пружинку. Но в «Аблоу» нет пружинки... Железную дверь в квартиру Константина пришлось бы резать автогенном, но красивая красная кожа была не повреждена... Следовательно, у кого-то еще существовал набор ключей. У кого?

Напрашивался ответ – у другой любовницы. Наверное, она забрала документы. Но где искать эту даму?

Внезапно мой взор упал на большие часы – ровно шестнадцать! Сколько же времени я сижу на скамейке, тупо шевеля мозгами? Следует поторопиться, дома ждут невыгулянные собаки и пустой холодильник. Поколебавшись несколько минут, я поднялась наверх и принялась искать лоток с книгами.

Замерзший продавец обнаружился у «Макдоналдса». Увидав потенциальную покупательницу, он оживился и принялся стряхивать щеточкой снег, налипший на полиэтиленовую пленку. Я в задумчивости уставилась на новинки. На столике лежало много интересного. Появилась очередная Маринина, да и Дашкова тоже, рядом манила яркой обложкой Малышева, чуть поодаль виднелась Полякова, тоже от-

лично пишет, не оторвешься!

В былые дни я, не задумываясь, ухватила бы все, и шофер, улыбаясь, понес бы пакет в «Мерседес». Но сегодня предстояло ехать одной в метро, а потом еще идти в магазин, значит, возьмем вон ту Серову, в бумажной обложке...

Вдруг за спиной послышался безумно знакомый голос:

– Танюша, ты уверена, что хочешь в это низкопробное заведение?

Я чуть повернула голову и собрала в кулак всю волю, чтобы не заорать от ужаса. Из припаркованного в двух шагах от лотка роскошного «Мерседеса» выбрался мой муженек. Около него стояла в небрежно распахнутой шубке черноволосая девица, та самая Таня Молотова, главная героиня видеозаписи, столь кардинально изменившей мою жизнь.

– Хочу гамбургер, – капризно протянула девушка, – жирный, отвратительный, холестериновый бутерброд...

– Твое желание – закон, – засмеялся Михаил и, обняв девочку за плечи, повел ее ко входу.

Трясущейся рукой я натянула пониже на лоб шапочку. Хотя навряд ли супружник узнает меня. Так и вышло, скользнув безразличным взглядом по тетке, одетой в дешевую китайскую куртку и грязные кроссовки, муж прошел мимо, девица обдала меня шлейфом дорогих духов. Я невольно принялась: «Коко Шанель». В той, другой жизни это был мой любимый аромат...

Внезапно откуда-то из желудка к горлу поднялся горький

комок. Вот, значит, как! Жена исчезла, скорей всего покончила с собой, а Михаил как ни в чем не бывало раскатывает с заместительницей по харчевням! «Макдоналдс», видали? Да со мной он никогда бы не поехал туда... Интересно, супруг обратился в милицию или просто, обрадовавшись, привез эту девку в квартиру и отдал ей мои вещи? До чего, однако, неразборчива его новая дама, согласилась «додушить пузырек»... Правильно, зачем добру пропадать.

Горечь добралась до рта, и из глаз потоком хлынули слезы. Господи, я никому не нужна, кроме Кати...

– Послушайте, женщина, – тихо сказал продавец.

Я уставилась на него глазами, полными слез.

– Не расстраивайтесь, – пробормотал мужчина, – если нет денег на покупку, подарю вам Серову.

Тут только я заметила, что судорожно прижимаю к груди слегка помятый томик.

ГЛАВА 6

Выйдя из метро, я нырнула в супермаркет. Так, предстоит сделать ужин. Мимо сырого мяса, кур и рыбы я пронеслась с гордым видом, путь лежал в отдел замороженных полуфабрикатов. Порывшись на полках, я нашла пакет картошки фри, потом до носа долетел аромат чего-то жареного. Куры-гриль!

Зачем мучиться самой, когда можно приобрести готовое. Одной курицы на такую ораву явно не хватит, а учитывая собачку, следует купить как минимум три. Интересно, что жрут кошки? В голове мелькнула подцепленная где-то информация о рыбе и молоке. Прихватив два пакета «Милой Милы», я зарулила в рыбный и уставилась на малоаппетитные смерзшиеся тушки. В глаза бросились незнакомые названия – минтай, пикша... Слава богу, в углу нашлось филе семги...

Каталка медленно наполнялась: французское масло, пара пакетов с овощами, авокадо и банка крабов... К кассе я подрулила, отдуваясь. Миловидная девушка глянула на меня, потом на покупки и поинтересовалась:

– Пробивать или сначала посчитаем?

– Как лучше? – растерялась я.

– Лучше предварительно подвести итог, – вздохнула кассирша, – а то вчера одна тоже набрала под завязку, а денег не хватило, вот головная боль была, чек-то пробит.

Я хотела было бодро сообщить, что у меня кредитная карточка, но вовремя захлопнула рот. Теперь кредитки нет, в кармане кошелек, но я даже понятия не имею, сколько там бумажек, и, если честно признаться, вообще не подумала о деньгах, набивая каталку.

– Считайте!

Девушка ловко заработала калькулятором. Итог оказался не так уж и велик – в пересчете на доллары, где-то около ста, но мне все равно не хватило, и пришлось отложить три бутылки воды «Перье».

Сначала я расстроилась, потому что употребляю только эту минералку, но потом даже обрадовалась. Тяжеленные пакеты оттягивали руки, и нести их пришлось не до машины, а до дома, к тому же у одной сумочки отлетели ручки, и я прокляла все на свете, подхватывая выпадающие банки, бутылки и свертки.

Входная дверь не желала открываться. Потыкав безрезультатно ключом, я даже не успела удивиться, как дверь распахнулась. На пороге возник Сережка с рулоном туалетной бумаги в руках.

– Ну Лампадель, – произнес он, грозно нахмурившись, – отвечай, где шлялась?

Отличный вопрос, естественно, была на балу и вернулась с консервами! Я грохнула в прихожей пакеты и устало сказала:

– Продукты покупала.

– Молодец, – одобрил хозяин, – только почему собак не выгуляла!

– Как это? – возмутилась я. – Да они прямо у подъезда пописали...

– Только пописали, – ухмыльнулся Сергей. – Иди сюда.

Он распахнул дверь в гостиную, и я онемела. Штук десять ароматных куч расположились в самых разных местах. Тут только я запоздало сообразила, что ни Муля, ни Ада, ни Рейчел не вылетели в прихожую, небось спрятались в ужасе от содеянного...

– Одного не пойму, – задумчиво произнес Сережка, разглядывая пейзаж, – отчего их так понесло? Ничем жирным не кормили, а поди же ты, будто масла обожрались!

– Я дала им на завтрак бутерброды с «Доярушкой», – сокрушенно сообщила я.

– Собакам?! – пришел в полное негодование парень. – Ты что, с дуба упала? Да им сливочное масло в качестве слабительного предлагают!

– Но в доме не было никакой еды!

– А это что? – Сережа потряс перед моим носом пакетом.

Я поглядела на малоаппетитные темно-коричневые шарики и изумилась:

– Они едят такой ужас?!

– Это самый лучший сухой корм!

– Прости, не знала.

– Ладно, чего уж там, теперь убирай, – велел парень и

ткнул мне в руки рулон туалетной бумаги.

Пока я собирала кучки, пришли Юля и Кирюша. Мальчик принялся потрошить продукты, восторженно вскрикивая:

– Курочка-гриль! Шоколадные конфеты!

– У нас что, Новый год? – выразила недовольство Юля.

Нет, все-таки отвратительный характер у этой девушки: не купишь продукты – плохо, притянешь полные сумки – вновь злится.

– А это что? – заорал Кирюшка.

– Авокадо, – ответила я, – фрукт такой.

Мальчишка моментально кусанул зеленый бок, пожевал и сморщился:

– Ну и дрянь, словно вату ешь!

– Его не употребляют в чистом виде, – пояснила я, – сначала очищают от кожуры, а потом режут на две половинки и наполняют чем-нибудь, например крабами.

Юля увидела у меня в руках банку с надписью «Snatka» и присвистнула:

– Сколько же ты денег истратила?

– Немного, сто долларов.

Повисло тягостное молчание, потом девушка сказала:

– Извини, конечно, но мы планируем на еду в неделю около двух тысяч.

Они живут целую неделю меньше чем на сто баксов? Интересно, как это у них получается!

– Но я купила только самое необходимое, масло...

– Французское, – хмыкнул Сергей, – шестьдесят два рубля пачка! Лучше купить отечественное за тринадцать. Да если на то пошло, нечего ходить в супермаркет, на оптушке все на два-три рубля дешевле.

– А где находится оптовый рынок? – поинтересовалась я.

– Рядом, две остановки на троллейбусе.

Ради трех рублей экономии тащиться на общественном транспорте бог знает куда, когда в двух шагах от дома есть хороший магазин! Воистину, нет предела человеческой жадности!

– Семга! – воскликнула Юля. – А ее зачем приволокла, двести рублей килограмм!

– Кошки голодные!

– Ты собралась кормить Семирамиду и Клауса семгой!!! – воскликнула девушка.

А Сережка ехидно добавил:

– Слушай, Лампа, признайся честно, ты раньше работала в прислугах у Березовского!

– Я хотела как лучше, – принялась я бестолково оправдываться, – пельмени есть вредно, курица с овощами полезней. Кстати, окорочка содержат сплошной холестерин, а грудки нет.

Опять повисло молчание. Потом Юля со вздохом сказала:

– Ты знаешь, где мы работаем?

Я помотала головой.

– Мама – хирург, – пояснила Юля, – Сережа служит в ре-

клямом агентстве, а я пока учусь на факультете журналистики и подрабатываю в газете. Мы просто не можем позволить себе каждый день авокадо, семгу и шоколадные конфеты... Конечно, Кате частенько переппадают от больных конверты, да и Сережка неплохие деньги приносит, но нам нужно скопить на отдых, одеться, заплатить за квартиру, бензин, Кирюшкину секцию, да еще есть четыре бабушки, ну не бросить же их жить на одну пенсию!

– Почему четыре? – удивилась я.

Сережка развернул трюфель и сунул в рот.

– Мать четыре раза выходила замуж, прикинь, сколько у нее свекровей?

– Она помогает всем матерям бывших мужей? Но почему?

Юля улыбнулась:

– Так фишка легла. Просто пойми: две тысячи в неделю – предел на жратву.

– Ладно вам ее ругать, – неожиданно вступился за меня Кирюшка, – ну не знал человек, чего теперь, расстрелять?

– Но мы не доживем до зарплаты, – резюмировала Юля.

– У меня лежит сто долларов в копилке, сейчас принесу! – выкрикнул мальчишка и унесся.

– Кирка прав, – вздохнула девушка, – давайте съедим этих вкусненьких курочек, раз уж они все равно тут.

Но мне отчего-то расхотелось ужинать, и, сославшись на головную боль, я ушла в гостиную и легла на диван.

Наверное, придется всерьез пересмотреть свои привычки.

В прежней жизни сто долларов не значили ничего, в этой становились огромной суммой.

Дверь скрипнула, послышался цокот коготков. Я всхлипнула и уткнулась в подушку. В ту же секунду бархатные мордочки принялись тыкаться в затылок. Я повернула голову набок, и два язычка принялись быстро слизывать со щек слезы. Надо же, Муля и Ада пришли меня утешать, хоть кому-то жаль неумеху. Сейчас мопсикхи мне не показались уродливыми. Наоборот, их тупорыленькие мордочки выглядели обаятельными. Удивительное дело, но от них совсем не пахло псиной, шкурка издавала слабый аромат ментола, а от морд исходил запах геркулесовой каши.

– Лампа, не плачь, – внезапно сказал один из мопсов. От неожиданности я подскочила и увидела в ногах Кирюшу.

– Не плачь, – повторил мальчик, – я тебе помогу.

– Как?

– Гляди, – он сунул мне в руки листок.

Глаза побежали по строчкам: «Распорядок дня. Подъем в семь, завтрак, гулять с собаками. Они должны пописать три раза, покакать один. Потом помыть посуду, убрать комнаты...»

Я с изумлением поглядела на Кирку, он скрупулезно расписал все мои обязанности.

– Дальше смотри, – велел мальчишка.

Следующий листок назывался «Меню». Завтрак – каша, хлеб, сыр; ужин – сосиски, пельмени, котлеты.

– Это я так, для примера написал, – сообщил Кирюшка, – можно иногда картошечку пожарить или яичницу сварганить.

Я с глубоким уважением покосилась на неожиданного мощника. Ему и впрямь пришла в голову отличная идея. Если постоянно держать перед глазами подобную шпаргалку, трудно что-нибудь забыть.

– Лампа! – заорал Сережка. – Давай сюда бегом, одна нога здесь, другая там!

Ожидая всего самого плохого, я влетела в кухню.

– Тебе ножку или грудку? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Юля. – Куры – восторг!

– Кстати, масло отличное, – добавил Сережка, – на вологодское похоже.

Я почувствовала, как в груди будто лопнула туго натянутая веревка. Ребята явно старались приободрить меня. В эту секунду Кирюшка заорал:

– Глядите, у нас в прихожей мобильный, Сережка, тебе на работе выдали?

– Нет! – крикнул брат.

– А чей он тогда? – не успокаивался мальчик.

Я хотела было ответить: «Мой», но вовремя осеклась. У меня теперь нет сотового, он остался в прошлой жизни, вместе с ключами и кошельком. А этот я ухватила в квартире Константина, в туалете, на полочке, машинально, так как привыкла всегда иметь при себе трубку. Похоже, я станов-

люсь профессиональной воровкой: сначала сумочка, теперь «Сименс».

– Чей он? – продолжал настаивать Кирик.

– На улице нашла, – медленно ответила я. – Надо вернуть владельцу, но как узнать его имя?

– Очень просто, – ответил Сережа, разглядывая аппарат. – Подключен к «Билайн», нужно поехать на фирму и спросить, на кого зарегистрирован. Займись, Лампа. Вот хозяин обрадуется! Небось заплатит тебе за хлопоты!

Я молча вцепилась зубами в грудку. Определенно делаю успехи. Во всяком случае, я соврала так легко и естественно, словно занималась обманом всю жизнь.

Посуду сегодня помыла быстрее, чем вчера, потом, поколебавшись секунду, оттерла плиту. Без потеков и пятен она выглядела намного симпатичней.

Ночью никак не могла уснуть. На диван, кроме Мули, пришла еще и Ада. Я просто извертелась, пытаюсь вытянуть между ними ноги. Но, честно говоря, в основном спать мешали мысли. Где найти любовницу Кости, женщину, имевшую ключи? И вдруг в голову пришло простое, как грабли, решение. Поеду завтра еще раз к Маргарите, возьму у нее ключи, вернусь к Константину, положу на место сотовый и поищу телефонную книжку. От радости я взбрыкнула ногами, и мопсик возмущенно засопели.

Звонок будильника рухнул на мозги, как молоток. Собаки подскочили, меня сдуло с кровати. Вылетев в коридор, я

заорала:

– Всем подъем, быстро!

Раздались стонущие звуки.

– Еще минуточку, – заныл Кирюшка, – чуть-чутьочку, глазоньки не открываются.

Шатающаяся Юля пошлепала в ванную, следом поплелся Сережка. Я разожгла газ при помощи газеты, плюхнула на плиту чайник и заглянула в гостиную. Теперь на диване оказалась еще и Рейчел. Собаки явно не собирались вылезать из-под теплого одеяла.

На кухне Кирюшка быстро глотал чай, Сережка мазал хлеб маслом. Юля ткнула пальцем в кнопку, телевизор ожил и сообщил:

– С добрым субботним утром. Для тех, кто решил в выходной денек пораньше встать...

– Как, суббота?.. – завопил Кирюшка, роняя чашку. – Лампа, ты sdурела, какого черта подняла всех...

– И правда, – протянул Сережка, – давно никто не делал мне таких гадостей.

– Во, блин! – отозвалась Юля. – Ну удружила!

Чувствуя себя полной идиоткой, я выскочила в коридор и, невольно подчиняясь заведенным в этом доме порядкам, заорала:

– Муля, Ада, Рейчел, – гулять!

Собаки явились на зов, и мы быстренько выскочили во двор.

На этот раз мы гуляли почти полчаса, и псы сами побежали к подъезду.

Сережа, Юля и Кирюшка толкались в коридоре.

– Слышь, Лампа, – пропыхтела девушка, застегивая сапоги, – раз уж встали в такую рань, поедem на рынок. Зима пришла, а у Кирюшки ни куртки теплой, ни ботинок.

– Вернетесь когда?

– Часам к семи, не раньше, собак выгулай, – велел Сережка, и троица вылетела во двор.

Я увидела на вешалке ключи и усмехнулась. Тут же слышался вопль:

– Лампа, брось ключики, дома забыли!

Не глядя, я зашвырнула связку в форточку и принялась одеваться. Съезжу быстренько и примусь за домашние делашки.

На этот раз у подъезда дома Маргариты толкалась уйма народа. Здесь же обнаружили две машины – «Скорая помощь» и микроавтобус с надписью «Милиция». Я пролезла сквозь толпу и хотела войти в подъезд. Но молоденький сержантик предостерегающе поднял руку:

– Погодите, дайте тело снести.

Я послушно посторонилась и увидела носилки, на которых лежал неприятного вида черный мешок. Наверное, кто-то из жильцов скончался дома.

Дверь в квартиру Волковой была открыта нараспашку. Удивившись, я заглянула внутрь. Невысокий кряжистый

мужчина с папкой в руках сердито спросил:

– Вам кого?

– Маргариту Федоровну.

– Кем вы ей приходитесь?

Командный, безапелляционный тон не оставил сомнений – передо мной представитель властей. Но говорить правду в этой ситуации мне было не с руки, и изо рта мигом вылетел ответ:

– С работы прислали узнать, почему не выходит...

– Имя?

– Чье?

– Мое, – усмехнулся милиционер.

– Не знаю, – удивилась я, – мы ведь незнакомы.

Секунду мужик глядел на меня настороженными глазами, потом вздохнул:

– Назовите свои паспортные данные.

Я вздрогнула: ну вот, влипла. Но привыкший за два дня врать язык сам по себе сболтнул:

– Татьяна, Татьяна Павловна Молотова...

Оперативник пометил что-то на бумажке и заявил:

– Езжайте в свой супермаркет и сообщите начальству, что Волкова больше никогда не придет.

– Почему? – глупо удивилась я.

– Она умерла, – пояснил следователь. – Давайте адрес и телефон.

– Чей?

– Мой!

– Не знаю!

На этот раз мужик вышел из себя:

– Хватит ваньку валять!

– Никого я не валяю, – возмутилась я. – Спрашиваете у меня свой номер телефона и адрес, а откуда я могу его знать?

Сыщик вздохнул:

– Гражданочка, назовите, где проживаете, и телефон.

Машинально я сообщила адрес Мишиной квартиры и только потом испугалась. Боже, что же я наделала! Мало того, что назвалась именем его любовницы, так еще и координаты дала, ну почему не придумала вымышленные?

– Отчего она умерла, от сердечного приступа?

Инспектор спокойно ответил:

– Вам сообщат, идите на улицу.

– Страшно все-таки, выглядела совсем здоровой...

Но милиционер молча подтолкнул меня к выходу, и тут зазвонил телефон. Я вытащила аппарат:

– Алло.

– Таня, ты?

– Извините, ошиблись.

В ухо понеслись гудки.

Милиционер подозрительно глянул на «Сименс» и неожиданно переспросил:

– Значит, в супермаркете работаете?

– Ага, – крикнула я, сбегая по лестнице, – кассиром.

У подъезда продолжали толпиться возбужденные жильцы.

– Ее Надька нашла, – рассказывала шепелявая бабка, – зашла в квартиру, а Ритка валяется между окном и столом, кровищи! Надька чуть богу душу не отдала! Интересно, кому теперича жилплощадь отойдет, у Маргаритки-то никогошеньки нету.

– Разве при сердечном приступе бывает кровотечение? – не выдержала я.

Бабулька примолкла, а потом ехидно спросила:

– Это кто же тебе про приступ наврал?

– Так ведь Рита умерла!

– Убили ее.

– Как? – помертвевшими губами спросила я.

Вопрос был задан риторический, но милая старушка поняла его буквально и принялась словоохотливо объяснять:

– Ножом, кухонным. Долго не мучилась, горемычная. Ну посуди, коли она сама бы померла, зачем тут столько милиции?

С трудом передвигая ставшие пудовыми ноги, я добралась до метро и плюхнулась на скамеечку. В последние дни данный вид транспорта нравился мне все больше и больше. Чисто, светло, тепло, а главное, никому нет до тебя дела, все бегут с высунутыми языками и не глядят по сторонам.

Я перебирала пальцами край куртки и мысленно подводила неутешительный итог – два трупа, и никаких докумен-

тов. Пропала последняя надежда попасть в квартиру Кости и найти телефонную книжку. Хотя Рита обронила, будто он служил актером в театре «Рампа». Может, сходить туда, по-расспрашивать коллег, вдруг что выплывет.

ГЛАВА 7

Я не слишком большая театралка и в храм Мельпомены хожу редко, но «Рампу» знаю. Несколько лет назад там поставили скандальный спектакль, и весь бомонд засветился на премьере, естественно, и мы с Мишей сидели в третьем ряду. В тот день на мне было черное платье, а из украшений – брильянтовые серьги. Я равнодушна к драгоценностям, но Миша частенько повторял: «Жена – витрина семьи. Надевай побольше камушков, а то подумают, что у меня дела плохо идут».

Парадный вход оказался заперт, пришлось идти со двора. У двери за столом читал газету крупный мужчина.

– Вам кого?

На секунду я растерялась, потом промямлила:

– Насчет Кости Катукова...

– Допрыгался, – неожиданно зло заявил дежурный, – добежался по чужим бабам, догулялся...

– Зачем вы так, человека убили...

Секьюрити махнул рукой:

– По нему давно пуля плакала, мразь, а не мужик, и чего к парню бабье льнуло – ни рожи, ни кожи, один гонор. Артист! Тьфу, слушать тошно. Да у него всех ролей три штуки, а в каждой – две фразы. Таких, с позволения сказать, актеришков пол-Москвы. Вон меня в прошлом году тоже на сцену

выводили, сундук выносил в спектакле «Боярыня Морозова», и чего, тоже теперь нос задирать надо?

Да, похоже, Константин сильно чем-то насолил мужику...

– Идите в двенадцатую комнату, – неожиданно сменил гнев на милость стражник, – там администратор Лев Валерьянович, он похоронами занимается.

Я двинулась по узкому коридору, застеленному довольно потертой красной дорожкой. Пахло дешевой косметикой, пылью и потом. Двенадцатый кабинет оказался последним, я вежливо постучалась.

– Кто там такой церемонный? – раздался возглас.

Я толкнула дверь и оказалась в помещении размером с мой шкаф в бывшей моей спальне. Просто удивительно, как в таком крохотном пространстве уместились стол, стулья и допотопный сейф. Но самое большое удивление вызывал хозяин. Огромный мужик почти под два метра ростом, одетый в невообразимый кожаный костюм. Розовая рубашка совершенно не сочеталась с ярко-зеленым шейным платком, а золотой браслет и большая круглая серьга в левом ухе сильно напоминали о цыганах. Впрочем, и волосы у парня оказались «восточные» – темные, почти черные, выющиеся мелкими кольцами. Сзади юноша стянул их резинкой, спереди на лоб падало что-то типа челки. Под стать внешности оказался и парфюм – тяжелый, удушливый запах неизвестного одеколона. Такой аромат издают загнивающие лилии, и у меня моментально заболела голова.

– Вы ко мне? – поинтересовался администратор.

– Дежурный сказал, будто похоронами Кости Катукowa занимается Лев Валерьянович? – вопросом на вопрос ответила я.

– Да уж, – вздохнул «цыган», – приходится, Костя не имел семьи.

– Говорят, вокруг него крутилось безумное количество женщин.

– Страшное дело, – ухмыльнулся Лев Валерьянович, – считать нельзя, ухитрялся одновременно крутить роман с пятью бабами! Вы только подумайте, пять сразу! Это же никакого здоровья не хватит! У него теория существовала: в каждой женщине есть изюминка, надо ее только отыскать... Погодите, – спохватился болтун, – а вы ему кем приходиться?

Я удрученно молчала. Ответ на такой простой вопрос я забыла приготовить.

– Стойте, стойте, – воскликнул администратор, – догадался! Вы из милиции и пришли кой-чего узнать об убитом? Ведь я прав?

Интересно, чем я так похожа на представительницу правоохранительных органов? Вот уже второй человек принимает меня за оперативницу.

– Конечно, прав, – не дожидаясь ответа, ответил администратор. – Знаете, я обладаю экстрасенсорными способностями, могу головную боль убрать, а уж людей чую! Даже

актеры врать перестали! Так что, если хотели скрыть факт своей принадлежности к славному племени синих шинелей, здесь это не пройдет.

И он противно захохотал, страшно довольный собой и своей проницательностью. Первый раз за всю жизнь мне пришла в голову мысль – врать очень просто, надо только чуть-чуть составить мнение о собеседнике и выложить ему то, что он желает услышать, подтвердить, так сказать, мнение о себе... Вот, например, Льву Валерьяновичу даже не придется ничего объяснять, сам придумал, сам поверил, сам страшно горд прозорливостью. Ну умела же я уходить, улыбаясь, со сцены, чувствуя в душе слезы и горечь? Отчего бы не попробовать чуть-чуть поиграть в жизни?

Я вздохнула и развела руками:

– Да, с таким человеком, как вы, непросто. Честно говоря, я придумала байку, будто являюсь одной из его бывших любовниц и хочу узнать день похорон, однако вы сразу меня раскусили!

Лев Валерьянович потер руки:

– Ну я бы вам не поверил! Совершенно не похожи на предмет Котькиного интереса!

– Почему, слишком стара? Кстати, сколько ему лет?

– Тридцать восемь, а насчет возраста вы не правы, годы для Котика не имели никакого значения, один раз он полгода провел с дамой, давным-давно отпраздновавшей пятидесятилетие. Просто всех его женщин объединяло одно – они

были несчастненькие.

– Можно поподробней? – попросила я и устроилась поудобнее в продавленном кресле. – Желательно с именами, фамилиями и адресами...

Администратор хмыкнул:

– Я не вел его донжуанский список. Могу сказать только, что в театре полно молодых, красивых актрис, а Костя к ним даже не приближался.

– Почему?

– Ему нужны были дамы другого сорта, слегка ущербные, не слишком хорошо зарабатывающие, не больно умные и талантливые, с неустроенной личной жизнью. Знаете, такие аккуратно одетые, причесанные, абсолютно правильные, сидят в метро, кроссворды разгадывают. Они, как правило, отличные хозяйки и матери, жуткие зануды, не способные ни на какие экстравагантные поступки. Все у них по плану – покупка шубы, уборка, стирка... У меня от таких скулы сводит, а Котья только с ними дело имел, и еще ему нужно было, чтобы дама стояла чуть ниже по социальной лестнице, восхищалась им и закатывала глаза. С актрисами такое не проходит: тут подавай шубы, конфеты, букеты, терпи капризы, словом, стервы. А Котик сам желал быть объектом поклонения. До смешного доходило. Прикиньте на минуту: играем «Дон Кихота», три главные роли, пять второстепенных и куча проходных персонажей с двумя репликами типа: «Вот ваш обед». Костик имеет два выхода – в общей слож-

ности находится на сцене полторы минуты. Потом занавес, все кланяются, зрители рукоплещут, и тут из зала выходит дама с огромной корзиной цветов. Наш Дон Кихот приосанился, думал, ему несут, да не тут-то было. Тетка прямиком к Костику и вручает розы. Народ чуть не умер со смеху, а он ничего, обрадовался...

– Назовите хоть какую-нибудь фамилию, – потребовала я.

Лев Валерьянович в задумчивости покрутил коробочку со скрепками, потом со вздохом произнес:

– Знаете, есть одна дама, которая может про него рассказать абсолютно все, ну прямо всю подноготную, только ключик к ней надо подобрать.

– Кто?

Администратор усмехнулся:

– Жена нашего охранника, Лена Литвинова. Костик с ней романчик завел, можно сказать, принципы свои нарушил. Он с замужними предпочитал не связываться, а тут оскормился. Полгода такая любовь-морковь творилась. Сеня, муж, прямо черный ходил. Один раз даже подраться с Котькой хотел, мы их еле-еле растащили, ну а затем развод последовал. Ленка, наверное, надеялась, что кавалер из порядочности на ней женится, да просчиталась. С годок еще погужевались и – чао, бамбино, сорри! Так она за Котькой в три глаза следила, прямо гестапо! Хотите, я ей позвоню?

И, не дожидаясь моего ответа, он схватил телефон и затрещал в трубку:

– Ленуся? Занята? Сейчас к тебе женщина придет, вернее, сотрудница из уголовного розыска, ей поручили вести дело об убийстве Костика, ты уж ее встреть поласковее...

Из мембраны донеслись писк и гудки.

– Ладненько, – протянул администратор и повернулся ко мне: – Топайте в гладильню.

– Куда?

– Лена у нас костюмером работает, через сцену, налево вниз, потом по железной лестнице направо, у огнетушителя. Впрочем, пошли провожу...

Он резко встал, и я увидела у него на ногах ботинки на огромной, толстенной подметке, сантиметров десять, не меньше, обычно такую обувь носят низкорослые мужчины.

Путь по закоулкам длился минут десять. Сама бы я ни за что не нашла нужное помещение. Наконец Лев Валерьянович притормозил у обшарпанной двери и, рывком открывая ее, крикнул:

– Ленуська, принимай гостей!

– Никого не жду, – донеслось из глубины.

Администратор подтолкнул меня в спину:

– Идите, у нее просто плохое настроение.

Мы вошли в большое помещение, сплошь завешанное всевозможными платьями, костюмами и пальто, в воздухе сильно пахло пылью, и я уже приготовилась начать чихать, но нос почему-то даже не зачесался...

У окна, возле широкой гладильной доски, с допотопным

чугунным утюгом в руках стояла женщина. На первый взгляд ничего особенного, из таких теток неопределенного возраста и пятидесятого размера в основном состоит толпа в метро. Да и лицо не привлекало внимания: простоватое, круглое, с мягким носом-картошкой и маловыразительными голубыми глазами.

– Занята я, – отрезала тетка, плюхая чугунину на ярко-красный камзол, – некогда с вами лясы точить...

– Какой у вас утюг, прямо раритет, – невольно восхитилась я.

– А то, – отозвалась гладильщица, со вкусом поплеывая на раскаленную «подошву», – все эти «тефали» и «мулинексы» только для блузок и годятся, чтобы сукно в порядок привести, тяжесть нужна.

Она во вздохом поставила тяжеленный кусок железа на плитку и отрубила:

– Зря притопали, ничего не знаю и знать не хочу, умер – и ладно, значит, достал кого-то...

– Например, Сеню, – хмыкнул Лев Валерьянович, – или бабу какую, раз за ножик схватилась и молодца прирезала.

Я отметила, что администратор не в курсе, каким способом Костю отправили на тот свет, и вздохнула. Тяжело разговаривать с женщиной, которая настроена агрессивно, и совершенно не представляю, как можно ее умаслить.

Лена тем временем отступила к подоконнику и прошипела, как разъяренная кошка:

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного, – кротко ответил Лев Валерьянович, – просто какая-то из баб, кого Костик водил за нос и обещал жениться, устала поджидать свадьбу и ухватилась за тесак. Или обманутый муж...

– Не смей даже намекать на Сеню, – продолжала шипеть Лена, – он святой...

– Угу, – хмыкнул администратор, – и поэтому ты от него удрала...

Круглощекое лицо Литвиновой украсилось красными пятнами, она закусила губу, но Лев Валерьянович как ни в чем не бывало вещал дальше:

– Ты, Ленка, кончай душой прикидываться. Дело-то серьезное, о твоих отношениях с Котькой даже кошки знают. Спасибо мне скажи, что привел майора к тебе, сюда. Поговорите тихонечко, без протокола и свидетелей. А когда приятный разговор идет – это уже не допрос, а милая беседа, ведь правда?

Он выжидательно глянул на меня. Вот ведь хмырь, и звание мне походя присвоил, но все его действия были мне на руку, и я молча кивнула.

– Никто тебя ни в чем не подозревает, – продолжал петь администратор, – и лучше побалакать тут. На Петровке знаешь как неуютно – стол железный, стул железный, все к полу привинчено, на окошках решетки, а здесь – в своих стенах. А разговора все равно не избежать, не я, так другой про те-

бя растреплет. Только я к тебе хорошо отношусь и привел майора потихонечку, а другой, например Ленька Греков, по всему театру понесется с воплем: «Где Литвинова, к ней милиция пришла». Ну мало о тебе судачили, еще захотелось?

Лена шумно вздохнула, дурная краснота медленно покинула ее лицо, к щекам вернулся нормальный цвет.

– Вот и умница, – похвалил администратор. – Поболтайте тут, а я испаряюсь!

С этими словами он ужом скользнул в коридор, и мы остались вдвоем. Неожиданно гладильщица шумно вздохнула, рухнула на табурет и, кивнув на пустой обшарпанный стул, безнадежно сказала:

– Чего уж там, садитесь. Левчик прав, давайте тут побеседуем, коли нужда заставляет. Только я его не убивала, и Сеня никогда бы не стал ножом резать, вот из пистолета мог в состоянии аффекта пальнуть, а ножом никогда.

– Отчего вы решили, что Константина ударили колюще-режущим предметом? – решила я подделаться под милицкий жаргон.

– Как? – оторопела Лена.

Я пожала плечами:

– Катукова убили выстрелом в голову.

Костюмерша вновь покраснела:

– Боже, Сеня не мог...

Я решила немного успокоить Лену и миролюбиво сказала:

– Мы подозреваем, что убийство совершила одна из лю-

бовниц жертвы, женщина, которая имела ключи от его квартиры.

Литвинова напряглась, потом полезла в карман жакетика и закурила длинную, коричневую, пахнущую ванилью сигарету. Странное дело, дым совершенно не раздражал меня, наоборот, даже показался приятным.

– Ну были у меня ключи, – размеренно сообщила Лена, – еще не сразу научилась ими дверь открывать, замки хитрые. Только потом он у меня их отобрал, для другой понадобились... Сволочь он, сволочь, кобель, ненавижу, терпеть не могу.

Внезапно она ухватила руками за голову и завывала, словно пожарная сигнализация.

– Ах, какая сволочь, так ему и надо! – вылетало из ее перекосенного рта время от времени.

Неожиданно мне стало ее жаль, наверное, Лена до сих пор любила Костю... Я встала, подошла к костюмерше и обняла ее за плечи. Лицо Лены пришлось как раз на уровне моего живота. Женщина уткнулась в меня носом и глухо сказала:

– Вам не понять, небось живете замужем, без хлопот...

Я пожала плечами:

– Напротив, я очень хорошо знаю, что к чему. Недавно ушла от мужа, который мне изменял...

– Ну да? – удивилась Лена и подняла лицо.

– Да, – подтвердила я, – сама чуть с ума от злости не сошла, когда узнала... Вы расскажите все, легче станет.

Костюмерша вытащила носовой платок, высморкалась и сказала:

– Ну слушай, какие дуры на свете бывают.

Замуж Леночка Литвинова выскочила рано, едва-едва исполнилось восемнадцать. Муж попался замечательный, не пил, не курил, целыми днями мастерил на кухне какие-то устройства. Иван служил инженером и мечтал изобрести вечный двигатель. Лену немного раздражали грязь и инструменты, но, если посмотреть вокруг, у других супруги оказались совсем никуда: пили горькую, а потом дрались. Ленины соседки по подъезду частенько заскакивали к Литвиновой за деньгами, брали в долг до получки. Сунув требуемую сумму в карман, вздыхали с завистью:

– Ох, и повезло тебе с мужем.

Вздыхали, вздыхали – и сглазили. Как-то раз Леночка, придя домой, обнаружила мужа в слезах на кровати. На все вопросы жены мужик молчал, только кивал головой и рыдал. Испуганная Лена вызвала «Скорую помощь». Приехавший врач велел вызывать психиатрическую перевозку. Маниакально-депрессивный психоз – так мудрено называлась болячка. Восемь лет бегала бедная баба из одной клиники в другую, но результат везде оказывался одинаков. Чуть подлеченного мужа выдавали на руки, за короткой фазой ремиссии следовала стадия глухой депрессии. Муж сидел, тупо глядя в одну точку, потом пытался покончить с собой. В конце концов ему это удалось, причем не дома, а в больнице.

Знакомые советовали подать в суд, но Лена даже рада была, что за мужем недоглядели, потому что кончился многолетний кошмар. Года два она пожила в свое удовольствие, одна, благо квартиру имела отдельную и никто за ней не следил. Потом заволновалась. Возраст стремительно приближался к тридцати, следовало выйти замуж, устроить жизнь, родить ребенка... Но кавалеры все попадались несерьезные – с удовольствием приходили в гости, ели изумительные пироги, укладывались спать на крахмальных простынях, но замуж не звали, а время шло. Поэтому, когда наконец нашелся во всех смыслах положительный Семен, Лена, не задумываясь, тут же побежала в загс. Правда, червячок сомнения поднял накануне регистрации голову – жених был не слишком красив, не больно умен, не шибко богат, а главное, Леночка не испытывала никакого трепета, когда Сеня невзначай брал ее за руку...

Свадьба состоялась в январе, потом потекли будни. Разнились они только программой телевидения, Сеня оказался не большим охотником до гулянок и, хотя работал в театре охранником, никогда не смотрел спектакли.

Однажды он пришел домой и спросил:

– Слышь, Ленк, тебе в ателье не надоело?

Жена, всю жизнь проработавшая закройщицей, только вздохнула. Ей не просто надоело, а обрыдло щелкать ножницами.

– В театре ищут костюмершу, – пояснил муж, – оклад на

сто рублей больше, пойдешь?

Если бы бедный охранник мог себе представить, какие ужасные последствия повлечет переход жены в театр! Буквально на второй день Леночка столкнулась с Костей. Катков пришел за камзолом. Робея от собственной неумелости, новоявленная костюмерша принялась застегивать крючки на сюртуке. А когда она закончила работу, Костя нежно взял ее ладошку и пропел:

– Ручка какая у тебя маленькая, как у принцессы!

Лена зарделась, за всю более чем тридцатилетнюю жизнь ей никогда не приходилось выслушивать комплименты. А Константин оказался большой мастер в деле обольщения, у нее начался безумный роман. Естественно, по театру тут же разнесся слух. Что только не делал Сеня, чтобы отвести жену от любовника: запирали на ключ, отнимал одежду, пару раз даже поколотил!.. Но Леночка словно с цепи сорвалась. Тогда Семен кинулся с кулаками на Костю, но наглый любовник оказался сильнее и в честном бою наkostenyl обманутому мужу по шее. После этого случая Лена категорично потребовала развод и через полгода оказалась свободна. Наверное, женщина ждала, что артист предложит ей руку и сердце, но в их взаимоотношениях ничего не изменилось.

Леночка приходила к любовнику по субботам, к одиннадцати утра. Втаскивала набитые продуктами сумки, готовила обед, убирала, потом либо ложились в постель, либо шли куда-нибудь развеяться... А поздно вечером, около двена-

дцати ночи, Костя на такси отправлял даму сердца домой. Раньше Леночка не спорила, она не хотела откровенно дразнить Сеню, не ночуя дома, но после развода стала намекать Косте на то, что может теперь приходить почаще, оставаться до утра...

Но Костя только ухмылялся и отвечал:

– Извини, всю неделю занят. Даже хорошо, что редко встречаемся, каждый раз словно праздник, а то надоедим друг другу...

Неизвестно, сколько бы продлилось подобное состояние, но однажды Леночка увидела в магазине огромное двуспальное одеяло из овечьей шерсти. Костя постоянно мерз и давно мечтал о таком.

Обрадованная Лена моментально купила одеяло. Продавщица выдала ей огромный, почти несминаемый и довольно тяжелый тюк. Женщина призадумалась. Тащить через полгорода к себе домой поклажу не хотелось, нести в находящийся в двух шагах театр тем более. Все начнут хихикать и спрашивать, скоро ли свадьба. Оставалось одно – доставить покупку сразу Косте. Катуков жил рядом с «Рампой», и у Лены в сумочке лежали ключи. Было только одно «но». Костик убедительно просил любовницу приходить исключительно по субботам.

– Это твой день, дорогая, – ласково щебетал мужик, – в остальные не появляйся. В будни частенько навещается мама, она у меня дама серьезная, может наговорить гадос-

стей...

Лена поколебалась и решила один раз нарушить неписаное правило. Уже захлопывая дверь, женщина поняла, что совершила глупость. Из кухни доносилось пение. Маменька явно готовила сыночку калорийный обед. Костюмерша хотела бросить одеяло у входа и убежать, но тут в прихожую вылетела тетка и грозно поинтересовалась:

– Кто там?

Литвинова замерла, как громом пораженная. Стоящая перед ней дама в цветастом фартуке совершенно не походила на вредную старушку, а если она все же являлась матерью Константина, то, очевидно, владела средством Макропулоса, потому что с виду элегантной блондинке можно было дать не больше тридцати.

– Вы к кому? – спросила «маменька».

Лена еле-еле отлепила язык от нёба и залепетала:

– Одеяльце тут вот купила, очень хотела...

– Ничего не понимаю, – всплеснула руками женщина и крикнула: – Костик, поди сюда!

Дверь из ванной распахнулась, и на пороге появился актер в махровом халате и с мокрой головой.

– Что такое, Ниночка? – бархатным, ласковым голосом поинтересовался он у блондинки.

Лена вздрогнула и почувствовала дикий укол ревности. До сих пор она считала, что подобным тоном Костя разговаривает только с ней. Тем временем Катуков отвел от лица

полотенце, увидел Лену, вздрогнул и расхохотался:

– Говорил же, приходи только в субботу!

– Хочешь сказать, что это твоя мама! – злобно прошипела Лена, ткнув в сторону нагло улыбающейся блондинки пальцем.

– Нет, – вновь засмеялся Костя, – знакомься, это Нина. – Потом повернулся к женщине в фартуке и сказал: – А это...

– погоди, погоди, – остановила его блондинка, – дай сама догадаюсь... Рита, правильно?

– А что, еще какая-то Рита есть? – помертвевшими губами спросила Лена, садясь в прихожей на стул.

Почему-то отказывались служить ноги, а в висках мелко-мелко застучали молоточки. Нина с жалостью глянула на Лену, потом тихонько толкнула Костика. Тот подошел к костюмерше и нежно произнес:

– Пойдем побалакаем.

Лена на ватных, непослушных ногах двинулась в кухню. Блондинка куда-то испарилась. Костя сел за стол и с укоризной выдохнул:

– Просил же только по субботам появляться, сама виновата!

Лена почувствовала, как по щекам поползли слезы.

– Ты меня не любишь!

Костик задумчиво повертел в руках зажигалку.

– Нет, люблю.

– Зачем тогда Нина?

Любовник отошел к окну, покачался на пятках, потом взъерошил всегда аккуратно уложенные волосы и сообщил:

– Хорошо, попробую объяснить.

Почти полтора часа актер пытался вложить в голову Лены две простые мысли. Во-первых, он не приспособлен для житья с одной женщиной, во-вторых, кроме костюмерши, у него есть еще две – Нина Никитина и Рита.

– Они знали про меня? – всхлипнула Лена.

Котик кивнул. Костюмерша зарыдала. Катукоев принялся капать в стакан валерьянку. Он уже смирился с мыслью, что день пропал и придется выслушивать истерику.

Успокоилась Лена к вечеру. Костик поймал такси и сказал:

– Спасибо за одеяло, жду в субботу.

Литвинова только кивнула, но в выходной не поехала по знакомому адресу, просто не могла переступить порог квартиры мужика и лечь на диван, где до нее весело проводили время другие. Пару раз Костя сам приезжал к ней в гости, но это было уже не то, очарование встреч пропало. Потом они примерно месяц не встречались, сталкивались только по работе. Затем Костя пришел в гладильную и прямо спросил:

– Я так понимаю, что нашим отношениям конец?

Лена лишь кивнула.

– Тогда верни ключи.

– Для другой понадобились? – фыркнула костюмерша, роясь в сумке. – Мне жизнь поломал, за следующую принялся?

– Ты сама не захотела больше встречаться, – отрезал Костик и ушел.

Впрочем, он попытался сохранить с костюмершей видимость добрых отношений. Всегда улыбался ей при встречах, осведомлялся о здоровье, иногда даже дарил букетики. Кое-кто в театре пребывал в уверенности, что у них до сих пор длится роман...

Я подождала, пока Лена выговорится, и осторожненько наступила на больную мозоль:

– Не знаете случаем, Нина и Рита где живут?

Литвинова принялась тереть нос довольно грязным платком. Молчание затянулось.

Я решила действовать, как милиционер:

– Кто-то из любовниц убил Костю, разве справедливо, если преступница останется безнаказанной?

Костюмерша уставилась в окно, потом с усилием выговорила:

– Нина – парикмахер, в салоне «Эльдорадо» работает, на Кустанаевской, фамилия ее Никитина. Рита – кассирша из супермаркета на Тверской, впрочем, есть и еще одна – Яна, в школе 2593 преподает, в новом районе, Куракино. Учительница младших классов, представляю, чему она детей научит! Наверное, у Катукова три бабы – это норма. Кобель он!

И она снова тихо заплакала. Я выскользнула за дверь и, проплутав по коридорам, вышла на слякотную улицу. Если любовь доставляет такие переживания, то слава богу, что я

прожила, не ведая этого чувства.

ГЛАВА 8

Часы показывали ровно три, когда я вошла в ворота оптового рынка. Что ж, если уж живу у Кати дома, следует подчиняться заведенным порядкам.

Вдоль длинной улицы тянулись ларьки. Что приготовить на ужин? Внезапно глаз упал на курицу. Прекрасно, данную птицу даже я сумею отварить, будет сразу и суп, и второе. Наученная горьким опытом, я не стала хватать курочку французской фирмы «Ду» за пятьдесят рублей килограмм. В конце ряда нашлась наша, отечественная, всего по тридцать. Правда, выглядел «цыпленок-бройлер» не слишком привлекательно – синенький, покрытый сморщенной кожей... Голова с прикрытыми глазами болталась на тоненькой тряпчатой шейке, желтые когти угрожающе топорщились в сторону покупателей... «Бройлера» явно недокармливали при жизни, да и умер он скорее всего своей смертью, от старости.

– Чего сомневаешься? – спросила торговка, толстенная баба в грязном, заляпанном кровью фартуке. – Бери, дешевле нигде не сыщешь!

Цена и впрямь казалась привлекательной, но сам продукт не вызывал никакого желания его съесть.

– Бери, бери, – от души предлагала баба, – свежий, только что бегал, гляди, не замороженный, а охлажденный.

И она потыкала пальцем в беззащитную тушку.

– Может, лучше импортную купить?..

– Эти-то? – презрительно повела плечом торговка. – Покупай, коли здоровья не жаль. Ихнюю птицу гормонами пичкают и антибиотиками колют, а наша вся натуральная.

Вздохнув, я выбрала труп курчонка. Баба права, у российских птицефабрик небось нет денег на дорогостоящие лекарства, и птичка при жизни ела экологически чистый корм – зерно и червячков.

Засунув добычу в пакет, я попыталась вспомнить, что плавало у Наташи в супе, кроме курицы. Вроде морковка, лук, картошка и вермишель, а на гарнир можно сварить рис.

Обвесившись пакетами, я добралась до дома, выгуляла отчаянно радующихся собак и приступила к готовке.

Сначала тщательно вымыла тушку. При ближайшем рассмотрении она оказалась еще более убогой, ребра прощупывались под кожей, а ножки напоминали недозрелые сморщенные баклажаны. Так, ее положено класть в кипяток или холодную воду? Наконец кастрюля водрузилась на плиту, я принялась чистить лук. Сколько овощей идет на суп? Надеюсь, пять луковиц, шесть морковок и восемь картошек хватит.

Огонь бойко подогревал воду, я включила телевизор и принялась напевать. Выходило, что в готовке нет ничего трудного, надо только начать. Изрезав помельче овощи, я перевела дух и решила вознаградить себя чашечкой кофе, но тут из кастрюли полезла желто-зеленая пена. Я попыталась

выловить ее ложкой, но противная субстанция лезла и лезла. Вода отчаянно булькала, обжигая руки, мне стало жарко, а пена все никак не заканчивалась. В отчаянии я выключила горелку. Суп, вздрогнув в последний раз, успокоился, противная желто-зеленая масса исчезла. В недоумении я уставилась на кастрюлю и вновь разожгла газ на полную мощность. Незамедлительно на поверхности появились противные пузыри... Поэкспериментировав минут пять, я поняла – огонь не должен гореть в полную силу. Крайне гордая собой, я набила кастрюлю под завязку овощами и задумалась о гарнире. Килограммовый пакет риса показался очень маленьким, хватит ли его на ужин? Наверное, следовало купить два... Вытряхнув белые зернышки в ковшик, я налила воды и закрыла емкость крышкой.

Никогда в жизни я еще не была так довольна собой. Чашечка растворимого кофе показалась восхитительной на вкус. Что ж, день удался. Всего несколько часов отделяют меня от разгадки тайны документов. Ясное дело, они либо у Нины, либо у Яны. Завтра поеду сначала к парикмахерше... Тут от плиты послышалось шипение. Я оглянулась да так и подскочила на месте. Над рисом угрожающе покачивалась крышка, а из самой емкости вываливались белые крупинки. В изумлении смотрела я на рис. Ну скажите, каким таинственным образом он ухитрился так увеличиться в объеме? Ковшик был явно мал.

Я переложила зерна в другую кастрюлю и долила воды, но

через десять минут риса стало еще больше, и операцию пришлось повторить. Словом, через полчаса у меня получился огромный жбан отвратительной клейкой массы.

Я зачерпнула «гарнир» чайной ложкой и попробовала. Так, забыла посолить, но это ерунда, приправу можно добавить прямо сейчас, но почему у Наташи все рисинки лежали автономно друг от друга, а у меня представляли единый монолит? Нет, все-таки дешевые продукты и после приготовления гадки. Вот купила крупу по двадцать пять рублей за кило, и пожалуйста, есть невозможно.

Вздохнув, я уставилась на казан, набитый рисом. Может, надо сунуть в эту кашу масло?

Но тут в кухню влетел Кирюшка и оповестил:

– Ой, как есть хочется!

– Что-то ты рановато, – сказала я, поглядывая на часы.

– Тренер заболел, – сообщил Кирюшка. – А чем так странно пахнет?

– Куриным супом, – гордо оповестила я и сняла крышку.

Взору предстало нечто невообразимое, больше всего напоминающее жидкое овощное пюре с торчащими жилистыми ножками. Я зачерпнула жижу половником и шмякнула в глубокую тарелку. Овощи окончательно разварились, и понять, где морковка, где лук, а где картошка, оказалось невозможно. Кирюша аккуратно зацепил «рагу» и, пробормотав: «Густой какой супчик», – сунул ложку в рот.

В ту же секунду он подскочил, бросился к мойке и, вы-

плевывая еду, закричал:

– Ну и гадость, ты сама пробовала?

Я аккуратно взяла губами «бульон». Моментально язык ощутил горечь, словно в воду добавили хинин.

– Что там лежит? – вопрошал Кирка.

Я тщательно прополоскала рот и ответила:

– Ничего особенного, курица и овощи.

– Ну и ну! – изумился Кирюшка. – У мамы в супе вода бывает, и все отдельно плавает, а у тебя просто кошмар! Может, вместо соли чего сунула?

Я попробовала на язык содержимое солонки. Нет, тут все в порядке. Следующая неудача поджидала с курицей. Она совершенно не хотела резаться даже огромным тесаком, а когда мы с Кирюшкой, приложив все силы, кое-как отодрали грудку, выяснилась следующая деталь. Благородное куриное мясо оказалось не белым, а желтым, и на вкус больше всего напоминало резиновую калошу, обмазанную горчицей.

– Это не съедят даже собаки, – печально резюмировал мальчишка.

Так и вышло. Муля и Ада отвернули морды сразу. Рейчел сначала все-таки взяла курятину в пасть, но тут же выплюнула.

– Жуткая у тебя дрянь получилась, – подвел итог Кирюшка, – даже стаффордширица не жрет, а она из помойки вытаскивает и не поморщится.

Рис мальчик не стал пробовать, просто ушел в комнату,

откуда донеслось бодрое пение. Я села у кухонного стола и в растерянности уставилась на кастрюли. И отчего вышла такая жуткая ситуация?

Минут через девять Кирка вошел в кухню и сунул мне потрепанный томик:

– На.

Красную обложку украшало изображение большого пирога, сверху шло название «Книга о вкусной и здоровой пище».

– Юлька купила, – пояснил мальчик, – только готовить ей некогда, может, тебе пригодится. Здесь все просто. Вот смотри – бульон куриный. Возьмите одну тушку, опалите над огнем, выпотрошите, будьте осторожны с желчным пузырем, так как суп может приобрести горечь...

Я слушала его как песню. Господи, оказывается, следовало сначала удалить внутренности и сварить саму курочку, а потом положить овощи!

– Слушай, Лампа, – хитро прищурился Кирюшка, – я тебя не выдам. Давай по-быстрому ликвидируем следы преступления.

– Что ты имеешь в виду?

– Выкинем и суп, и второе, а Сережке с Юлькой не расскажем, прикинь, как издеваться начнут!

Я с готовностью вывалила «вкусный» ужин в помойку и вытряхнула ведро. Кирюшка сбегал за пельменями, и, когда в прихожей появились Сережа и Юля, я ловко кинула кусочки теста в крутой кипяток. Слава богу, книга оказалась рас-

считана на молодых хозяек, и процесс варки пельменей ее авторы описали детально.

На следующий день около двенадцати я входила в парикмахерскую. Четыре хорошенькие девушки, ловко орудовавшие фенами, даже не повернули голов. Наконец одна, черноволосая, недовольно процедила:

– У нас по предварительной записи.

Другая, светленькая, пухленькая, похожая на только что выпеченную булочку, надменно добавила, окидывая взглядом мою китайскую куртку и кроссовки:

– Прейскурант на стене, прочитайте вначале.

Я подошла к листочку. «Стрижка – 300 рублей, мытье – 150 рублей, укладка – 200 рублей».

– Рядом, через дорогу, другая парикмахерская, – сообщила темноволосая.

– Там дешевле, вам по карману, – добавила блондиночка.

Неожиданно мне стало страшно обидно: неужели я так похожа на нищую? А если и впрямь у меня мало денег в кошельке, так кто давал право этим наглым девчонкам разговаривать с клиенткой таким тоном. Небось предстань перед ними дама в норковой шубе, живо бы заулыбались.

Чувствуя, как от горечи сжимается горло, я кашлянула и слишком громко сказала:

– Разрешите представиться, майор Романова из уголовного розыска, веду дело об убийстве Константина Катукowa, кто из вас Нина Никитина?

Моментально стих гул парикмахерских орудий.

– Ой! – уронила фен черноволосая.

– Это я, – медленно пробормотала блондинка и быстро добавила: – Пойдемте в служебное помещение, не здесь же разговаривать.

Провожаемые любопытными взглядами, мы завернули за столик с маникюршей, прошли через коридор и оказались в крохотной комнатухе с маленьким холодильником и двумя стульями. На подоконнике стояли железная банка «Нескафе» и чайник, но Нина не собиралась предлагать мне напиток. Она прислонилась спиной к стене, скрестила на груди руки и резко проговорила:

– Ничего не знаю, виделась с Костей последний раз во вторник, он был жив и здоров, больше ничего не скажу.

Я постаралась улыбнуться как можно ласковой.

– Ниночка, он давал вам ключи от квартиры?

– Ну и что? – ошетилилась девушка. – Между прочим, у него несколько комплектов было...

Я согласно закивала головой.

– А ваш где?

Нина моментально буркнула:

– Потеряла еще на прошлой неделе. Сумочку у меня сперли, а там все: паспорт, права, косметика. Не верите, спросите в 12-м отделении, я заявление туда отнесла, лейтенанту Корнукову.

– И когда произошел сей прискорбный факт?

– Говорю же, на прошлой неделе, в воскресенье. Поехала на Ленинградский рынок, а кто-то и постарался...

– Вы давно знали Костю?

Нина повела плечом:

– А какая разница, сколько? Встречались мы с ним раз в неделю и никаких особых отношений, кроме постельных, не поддерживали. Ну обед иногда ему готовила, а так чистый секс, и все, потрахались и разбежались.

Я вспомнила администратора Льва Валерьяновича и, нахмурившись, процедила:

– Вот что, любезнейшая. Вы должны быть мне страшно благодарны за то, что пришла я к вам сама, а не вызвала на Петровку. Знаете, как там неприятно? Стол железный, стул железный, все к полу привинчено... А я пока без протокола разговариваю, по-дружески. Впрочем, если не нравится, могу вызвать повесткой.

В Нининых голубых глазах мелькнул откровенный страх, и она сразу сбавила тон:

– Не хотите чаю?

Я ухмыльнулась про себя и кивнула.

Минут через пять в моих руках оказалась кружка с невообразимой гадостью, фруктовым напитком «Пиквик». Данное пойло следует называть компотом из химических ароматизаторов, но Нине, очевидно, нравилось, потому что девушка с наслаждением отхлебнула из чашки и завела рассказ. Я слушала ее внимательно, хотя ничего нового не узнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.